

Книга Севера

Хранители сказок

12+

Виктор Харин

Виктор Харин
Книга Севера

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Харин В.

Книга Севера / В. Харин — «ЛитРес: Самиздат», 2010

"Книга Севера" первое произведение из цикла "Хранители сказок". Замысел серии: приоткрыть читателю мифологическое восприятие мира. Так, как представляли его наши предки. Почему идёт снег, дует ветер? Почему огонь обжигает? Почему вороны чёрные? Куда каждый день уходит солнце? Ответы на эти и сотни других "почему" вы найдете, отправившись в путь вместе с главными героями. Именно им, мальчику Мартину и вороненку Караку, предстоит путешествие полное опасностей и приключений. Заглянуть за край земли, куда уходит солнце, где тени становятся цветными, и горит негасимый огонь. Вам предстоит познакомиться с множеством интересных мифологических сюжетов, которые нанизаны на основное повествование, как бусины на нитку.

© Харин В., 2010

© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

В оформлении книги использована работа Оксаны Мицник (с).

Глава 1

Едва различимая в ночи тень металась по заснеженному городку. Она скользила сквозь метель, оставляя нетронутым свежесвыпавший снег, словно летела по ветру. Тень заглядывала в окна, от её прикосновений стекла затягивала кружевная изморозь. Она бросалась от одного к другому, но так и не могла найти нужного. Наконец, её привлёк свет фонаря, у стоящего поодаль дома, она бесшумно приблизилась к окну и замерла. Сквозь заиндевевшее стекло толком ничего не было видно, но тень точно знала, что не ошиблась. За стеной гудел камин, и пламя поигрывало на смолистых поленьях. Около огня в кресле-качалке сидела старушка и читала светловолосому мальчику старую потрёпанную книгу. Почувствовав невидимый холодный взгляд, старушка поёжилась и сильнее укуталась в серую шаль:

– На сегодня все, Мартин, поздно уже, отправляйся спать.

– Ну, бабушка Августа, я не хочу спать. Почитай ещё. Пожалуйста.

– И не уговаривай. Не забывай, что ночь не наше время. Надо быть осторожными, зло не дремлет...

– Да слышал я это сто раз, – перебил Мартин. – Каждый вечер одно и то же. Мне мальчишки говорили, что это все бабушкины выдумки. Никто здесь в это не верит, только ты.

– Да? А сколько времени нет вестей от твоих родителей? Они полгода как отправились на север в очередную экспедицию, и мне тебя оставили.

– Видимо, связи нет, – промямлил мальчик.

– Связи! – вплеснула руками старушка. – Это надо умудриться сунуться в самые потаённые земли. Нет там ничего кроме холода и гибели. Помяни моё слово, добром это не кончится. Они ничего не видят дальше собственного носа. Нечего тревожить сокрытые там силы. В сказках все давно уже описано. И не говори мне, что я напрасно трачу твоё и своё время на всякую ерунду. Мы Хранители. Твои родители забыли об этом, а ты помни. А теперь все, спать, и без разговоров.

– Хорошо, хорошо. Спокойной ночи, бабуля, – поднявшись, сказал Мартин.

Он зажёл светильник, чмокнул её в морщинистую щеку и поднялся к себе в комнату.

– Сладких снов, мой мальчик, сладких снов, – прошептала бабушка Августа. Она перевела взгляд на покрытое изморозью окно и посмотрела в лицо незримой тени. Та отшатнулась, заметалась вокруг дома, ища слаbinу. Взметнулась на крышу, сунулась было в дымоход, но печь сердито зашипела и запустила в незваную гостью крохотную искорку. Раздосадованная тень отпрянула и стремительно понеслась вниз по улице к шумной пристани и далее к одиноко стоящему на горе маяку.

Следующее утро выдалось на редкость солнечным. Сквозь затянутое изморозью окно лучи ласково тянулись к лицу мальчика, прикасались к волосам. Вчерашнее ненастье сгнуло, как будто его и не было, остались только воспоминания да наметённые до самых крыш сугробы. Мартину ни за что не хотелось покидать тёплую постель. Он натянул на голову одеяло и, подогнув ноги, отвернулся к стене. Никакая сила не могла выгнать его сейчас из кровати.

– Мартин! Просыпайся! Вставай, лежебока, завтрак готов, – донёсся снизу голос бабушки.

– Бабуля, ещё пять минут.

– Знаю я твои пять минут, они спокойно превращаются в два часа. Спускайся, не то все остынет.

– Иду, иду уже, – пробормотал Мартин.

Тихо заскрипела лестница, дверь комнаты приоткрылась, звук мягких шагов замер у кровати.

– Так я и знала, – усмехнулась бабушка, – все, недаром снег принесла, высыплю его тебе в кровать и накрою одеялом, вот тогда лежи сколько захочешь.

– Ты слишком добрая, – заявил он, даже не открыв глаз, – ты так не поступишь...

– А вот сейчас и посмотрим...

– Ай, что это?! Что ты делаешь?!

– Как и обещала – это снег.

– Ну, бабушка, я и так почти встал.

– Твоё «почти» лежит где-то рядом с обедом, а сейчас у нас завтрак стынет. Марш умываться и за стол.

– У меня вся пижама мокрая.

– Ты же не в пижаме за стол сядешь. Одевайся, умывайся и спускайся на кухню.

Мартин скинул промокшую пижаму, ёжась от холода, быстро просунул ноги в штаны, запрыгнул в шерстяные носки и через голову натянул связанный бабушкой свитер. Тапки он нашёл не сразу, они чудесным образом оказались задвинутыми под кровать. Посмотрелся в треснутое зеркало, висевшее у раковины, подставил одну ладошку, набрал немного воды и брызнул себе на лицо. Вода была холодной и неприятно покалывала щеки. Выдавил себе в рот немного зубной пасты из тюбика, поводит языком по зубам, равномерно её размазал, набрал вторую ладошку воды, прополоскал рот. Влажными руками провёл по волосам, чтобы не торчали во все стороны. Все. На этом процесс утреннего умывания он посчитал законченным, и поспешил вниз по лестнице, на кухню, откуда исходил запах жарящегося бекона и яиц, доносившееся размеренное побулькивание чайника.

На кухне было жарко, большая изразцовая печь занимала добрую её половину. Мартин уже неоднократно обжигался о дверцу, и знал, насколько она может быть коварной. Только и ждёт момента, чтоб укусить его за руку, или за ту часть тела, которая ей подвернётся. Протиснувшись бочком вдоль стены, подальше от плиты, он сел за стол на своё место у окна.

– Явился наконец-то, – проворчала бабушка, – опять для тебя все разогреваю. В следующий раз оставлю без завтрака. Будешь ходить голодный до самого обеда. Хоть умылся или нет?

– Умылся.

– Покажи руки! Не прячь, покажи.

Мартин вытянул руки, помотал перед бабушкиным лицом и снова спрятал за спину.

Бабушка улыбнулась:

– Так я и знала. Слышала, что воды мало пролилось.

– Но, бабушка, вода такая холодная, как ею умываться?

– Иди сюда, я нагрела тебе воды для умывания.

Она сняла с крючка на стене полотенце, повесила его на плечо Мартина.

–Иди, вымой руки. И возьми с полки кусок мыла.

Мартин нехотя вышел из-за стола. Бабушка налила кипятка в таз, добавила холодной воды из бака, стоявшего в углу.

– Вымой руки как следует, с мылом, и про лицо не забудь.

– Забудешь тут про лицо, – тщательно намыливаясь, пробормотал Мартин, – неужели с умыванием завтрак вкуснее?

– Я все слышу, – не поворачиваясь к нему, заявила бабуля. – Завтрак он или есть, или нет. И есть он у того, кто умыт, а кто не умыт, тот обойдётся без завтрака. Ведь обходится же он без умывания, вот и без завтрака обойдётся. Готов? Садись за стол, сейчас принесу, пока все не подгорело.

Мартин, все ещё вытирая лицо полотенцем, пошёл к столу. И тут плита, словно дождалась своего часа, показала-таки своё коварство.

– Ай! – воскликнул Мартин. – Бабуль, я обжётся об эту дурацкую печь, опять она меня подловила.

– Не говори ерунды. Покажи, где обжёт.

Мартин протянул руку.

– До свадьбы заживёт, – взглянула на руку бабушка. – Помажь маслом и извинись перед печью.

– Что за глупость – извиняться перед печью, это ей впору передо мной извиняться, за то, что обожгла! – возмутился он.

– Не будь у тебя плохих мыслей, и будь ты послушным, печь тебя бы не обожгла.

– Глупость какая, суеверия.

– Не глупость. Вот послушай. Давным-давно великий и могучий Отец Гром...

– Чей отец? – перебил Мартин.

Бабушка вздохнула:

– Отец Гром, прародитель всех гроз. Итак, Отец Гром победил тёмные силы, сбросил поверженных демонов в бездонную пропасть. А чтоб они не выбрались оттуда, он опустил свой огромный щит на землю и закрыл им выход из бездны. Щит был добротный, сделанный из калёного железа его братом, кузнецом Инмаром, в недрах Огненной горы. И никто, кроме могучего Отца Грома, не мог поднять тот щит, так он был тяжёл. Тёмные силы были повержены. На радостях Отец Гром устроил пир, чтобы отпраздновать победу, позвал всех светлых богов и брата, великого кузнеца Инмара. И, дабы не ранить Мать Землю, решили они развести огонь на железном щите. Огонь пылал до небес и был жарок настолько, что железный щит раскалился докрасна. Демоны безуспешно пытались столкнуть щит и вырваться на свободу, желая отомстить великому герою. Но не могли терпеть силу жара праведного огня и убирались вглубь земли подобру-поздорову. Временами какой-нибудь осмелевший демон пытался выбраться на поверхность. Он подкрадывался к щиту и трогал его, но огонь все ещё горел, а щит по-прежнему был горяч, и демон, обжигаясь, убирался прочь.

Увидели Светлые Боги, что огонь хранит землю от нечисти, и решили, что так тому и быть на века. Они повелели Инмару до конца мира поддерживать праведный огонь на щите героя, дабы никогда демоны не вырвались на поверхность. Огонь горит и поныне. Только шипит и временами трещит, отпугивая тёмные силы. А ежели, силы тьмы осмелятся коснуться его, то он потрескивает и жжёт их немилосердно. Весь огонь, что есть у людей, происходит от этого Негасимого Огня. В каждом доме, в каждой печи. Потому печь и обжигает людей, когда чувствует плохие мысли или намерения. И потрескивает, когда тьма пытается проникнуть в дом. Она словно предупреждает – не балуй, лучше делом займись. И запомни: чем сильнее зло, тем больше ожог. И пока горит в печи праведный огонь, никакая тёмная сила в дом не проникнет.

– А тебя печь обжигает? – спросил Мартин.

– Обжигает, – вздохнула бабуля.

– А какие злые мысли есть в тебе?

– Какие? Вот выпороть порой хочется одного непослушного внука, который заставляет по десять раз разогревать еду, пока он не соизволит поесть.

– Бабуль, я не хочу больше яйца. Каждое утро ты меня зовёшь завтракать, и, ещё не проснувшись, я знаю, что у нас будет на завтрак.

– Не привередничай. Во-первых – это быстро и удобно. Во-вторых, есть другие причины.

– Очередная сказка, которая мне расскажет о пользе яиц?

– Это уже не сказка. Это сущая быль. Послушай. Когда мир только появился, в нем не было ничего. И Небесная Мать Всего Сущего спустилась с небес Великой Птицей-гагарой в наш мир...

– Извини, бабуля, я совсем запутался. Что за Мать всего Сущего? Мать Земля же была?

– Я так никогда не расскажу тебе сказку. Все, что даёт жизнь – мать. Земля родит травы, цветы деревьев. Мы называем её любовно, Мать Земля. А Мать Всего Сущего, подарила жизнь нашему миру и земле, и небу, и солнцу.

– Значит она главнее?

Бабушка улыбнулась:

– Пусть будет главнее, если тебе так понятнее. Будешь ещё перебивать?

– Нет, прости, пожалуйста.

– И спустилась она гагарой на землю. Её взору предстал безбрежный океан под куполом хрустального неба. Долго летала Великая Птица, совсем выбилась из сил. Когда она, уже было, решила вернуться обратно на небо, то увидела среди волн маленький камешек. Камешек был настолько мал, что она могла стоять на нем только на одной ноге. Но и это было спасением. Она приземлилась на этот камешек, но не удержалась, поскользнулась и выронила яйцо, которое несла с собой, чтобы дать жизнь другим богам. Яйцо покатилося и, ударившись о камень, разбилось. Желток взлетел и стал солнцем, белок вылился в облака, скорлупа стала землёй. Солнце быстро высушило землю, и океан отступил. А маленький камешек, на который при села Великая Птица, оказался огромной горой. Земля обняла великую гору, и уже ничто на свете не сможет перевернуть этот мир. Облака же пролили дождь на землю, и появились реки, озера, моря. Потому считается, что мир на заре существования вышел из яйца. И яйцом стоит отмечать начало каждого дня. Так что, ешь.

– Бабуль, а как так получается? Если не было ничего, а океан был...и гора была? – с усмешкой спросил Мартин.

– Ты же сам сказал, что это сказка. А что в сказке говорится, то и есть правда. Подумай сам, вот если не было ничего – значит, она летала в пустоте, и все равно бы устала. А гора... считай её осью мира. Она есть. Но ведь это же сказка, – хитро подмигнула бабуля.

Глава 2

После завтрака Августа хотела провести смотрителя маяка и взяла Мартина с собой. Они шли вниз по заснеженной улице. Снег хрустел под ногами. Зимнее солнце, поигрывая льдинками, слепило глаза. Город просыпался. Из лавки булочника разносился аромат свежеспечённого хлеба, витрина щеголяла пряничными нарядами. Аптекарь убирал снег с крыльца, приветливо махал рукой, здороваясь с редкими прохожими. Центральная улица заканчивалась пристанью. В обычное время пристань была полна народу. Лодки прибывали и убывали, сновали носильщики, кричали торговцы, им вторили шумные чайки. Но во время зимних штормов это была самая пустынная часть города. Недалеко от пристани возвышался утёс, ограждающий бухту от ветра, облюбованный огромными птичьими колониями, гнездящимися на отвесных скалах. На его вершине, словно палец каменного великана, стоял старый, маяк. Излюбленное место летних забав местной детворы и пристанище старого Эрни. Мартин любил там, отсюда открывался потрясающий вид на небольшой городок, расположенный на склоне горы. И море с его просторами, украшенными, как праздничный пирог свечками, парусами рыбацких лодок.

К маяку от пристани вели крутые ступеньки, и Августе пришлось несколько раз остановиться и перевести дух, несмотря на желание побыстрее попасть наверх. Мальчик нетерпеливо оглядывался на бабушку, но далеко вперёд не убежал.

– погоди, Мартин, – задыхаясь, крикнула бабуля. – погоди. Давай передохнем.

Мартин повернулся и нехотя начал спускаться. Они остановились около одной из лавочек, спрятанных от ветра за выступом скалы. Лавочки стояли как раз для такого случая, потому что мало кто мог подняться на маяк без передышки.

– Знаешь, – сказала бабуля, усаживаясь. – Мореходы рассказывают, что этот маяк загло само солнце.

– Как это? – удивился Мартин.

Бабушка улыбнулась:

– Давно это было. Попал как-то отважный рыбак в шторм, и унесло его бушующее море далеко от берега. Не мог он найти дорогу домой и совсем отчаялся. Несколько дней бросали волны его лодку из стороны в сторону. Кончились еда и вода. Вдруг видит, парит в вышине огромный белый альбатрос. Позвал человек птицу:

– Могучая птица альбатрос, ты с одним взмахом крыла пролетаешь столько, сколько мне идти целый день. Сделай милость, лети к моим родным берегам и скажи моей жене, что меня штормом унесло в открытое море и не найди мне дорогу назад. Простись с ней за меня.

Пожалел альбатрос рыбака, развернулся и ринулся к берегу. На берегу он увидел прекрасную печальную женщину, она стояла у кромки воды, осыпаемая брызгами.

Позвала его женщина:

– Могучая птица альбатрос, ты с одним взмахом крыла пролетаешь столько, сколько мне идти целый день. Не встречал ли ты лодку в бушующем море. Спустился альбатрос и сел перед ней на качающиеся волны:

– Видел я в море рыбака, его штормом отнесло далеко от берега, и он не может найти дорогу назад. Он просил меня проститься с его женой.

– Это мой муж! Он ещё жив! – обрадовалась женщина. – Сделай милость, могучая, мудрая птица, возьми мой платок и горсть родной земли, отнеси мужу. Они помогут ему найти дорогу домой.

Согласился альбатрос, взмахнул белоснежными крыльями и полетел в открытое море. Долетел до дрейфующей на волнах лодки. Обрадовался рыбак, взял платок жены, поцеловал

и тут же почувствовал, как земля потянула его к родным берегу. Потому моряки всегда берут с собой горсть родной земли.

– А при чем тут солнце?

– Куда торопишься, сейчас расскажу. Слушай. Альбатрос быстро достиг берега, где ждала мужа рыбачка.

– Он возвращается, – прокричала птица с высоты. – Судя по ветру, будет после захода солнца.

Опечалилась женщина:

– Как в темноте ему найти родной берег, как не разбиться о коварные скалы, как не сесть на мель? Сделай милость, могучий альбатрос, догони Отца Солнце, попроси продлить день, пока мой муж не вернётся на родной берег.

Взмахнул крыльями могучий альбатрос и помчался вслед за солнцем. Он летел быстрее ветра, но не успел. Светило едва виднелось над горизонтом. Тогда он ухватился за последний волосок, видневшийся над морем, но не смог вернуть Отца Солнца. Наступила темнота, только в клюве могучей птицы золотом сиял вырванный волос. Делать нечего, вернулся альбатрос к рыбачке:

– Я летел через все небо за Отцом Солнцем, мчался быстрее ветра, но не успел его остановить. Я ухватился за единственный оставшийся волосок, потянул, и случайно вырвал его из головы Отца Солнца. Прости меня, прекрасная рыбачка, но мне не удалось выполнить твою просьбу.

– Покажи мне этот волос, – попросила женщина.

Все побережье озарилось солнечным светом.

– Ой, спасибо, могучий альбатрос. Ты спас нас! Тебе не удалось остановить Отца Солнце, но ты принёс свет в тёмную ночь. Взяла она золотой волос, да положила в хрустальный кувшин, и поставила на самую высокую скалу. Осветилось море на много миль, и рыбак, обогнул отмели, коварные скалы и вернулся домой. Так и повелось с тех пор. Люди стали ставить маяки и зажигать их, наполняя сердца моряков надеждой на возвращение. А у солнца отныне на макушке маленькая проплешина. Иногда, когда оно садится в море, эта проплешина видна, и вместо прощального золотого луча мореходы видят зелёный.

– Солнце – это звезда, у него нет волос, нам в школе учитель говорил, а Земля круглая и вращается вокруг.

– И пусть крутится, мне-то что, – резко ответила бабушка.

– А как же наука, она же все объясняет?..

– Не говори ерунды, – оборвала его бабушка. – Наука не может ответить на вопрос, что такое душа. Наука все знает о теле, но ничего не знает о душе. Сказка и есть душа. Пусть наука изучает тела, а сказки раскрывают душу. Сказки учат, что у всех есть душа. К примеру, лежит на дороге камень. Лежит и лежит себе. И что? И ничего. А если представить, что этот камень положил великий небесный зодчий, который строит величественный чертог? И этот валун станет завершающим его великое творение. Значит, камень лежит и ждёт, когда придёт его время. Он лежит не просто так, а его нахождение здесь и сейчас имеет смысл. А без сказки он был бы просто безобразным валуном, который топчут ногами. Я хочу, чтобы ты это понял и не говорил больше попусту.

– Прости, бабуля, я не хотел тебя обидеть.

– Ничего. Хорошо, что ты спрашиваешь и сомневаешься. Хуже, если бы ты был жутким занудным всезнайкой, как большинство пустоголовых людей. Спрашивай, сомневайся, спорь, ищи и найдёшь ответы на свои вопросы.

– Но ты все равно ответишь мне на них.

– Все ответы никто знать не может, Я тоже была молодой и постоянно спорила со своим дедом, а он, в свою очередь, со своим. И так с начала времён. Молодые всегда сомневаются, а

старики думают, что на все вопросы уже могут ответить. Но это не так. В своё время я тоже изводила всех вопросами, так что твои мне не в новинку, сама их по сто раз задавала и получала ответы. Я так считаю, что когда в мире закончится последнее детское «почему?», то настанет конец света, ибо ему незачем тогда существовать.

– А почему?

– Не дразнись! – улыбнулась бабушка. – Ладно, пойдём потихоньку, а то я что-то стала замерзать. Надеюсь, у этой копчёной камбалы Эрни найдётся что-нибудь покрепче горячего шоколада.

Ветер, словно выждав момент, когда путники покажутся из-за скалы, набросился, сбивая их с ног, и с двойным усердием стал кусать за щеки. Пригнувшись под порывами ветра, они добрались до двери и, не постучав, нырнули в неё, спасаясь от шквала.

В комнате царило запустение. Солнечные лучи, заглядывая в окно, тихо покачивали осевшую на них пыль. Было холодно и пустынно.

– Эрни! – позвала Августа. – Эрнест, ты здесь?

– Да тут я! Кого это нелёгкая принесла? – донёсся ворчливый голос Старого Эрни. Он, покачиваясь, вышел из кухни. Мартин даже сразу и не узнал его. Обычно Эрни встречал гостей с улыбкой, предлагал чай или горячий шоколад и на каждое слово отвечал невероятно интересной и забавной историей. Сейчас же Эрни больше походил на тень самого себя. Лицо осунулось, глаза впали, одежда помята и заляпана чем-то бурым, борода торчит в разные стороны. А главное – не было той смешинки, которая обычно пряталась у него на лице. Эрни дрожащей рукой заслонил глаза от солнечных лучей и посмотрел на вошедших:

– Это ты, Августа. А я-то подумал, кого это в такую рань принесло.

– Во-первых, здравствуй, Эрни! – строго проговорила Августа. – А во-вторых, скажи, пожалуйста, что это мы сегодня такие ершистые, неприбранные и злые?

– А надоело всем улыбаться. Всем что-то от меня надо. А мне, может, надоело все. Пятьдесят лет одно и то же. Что, я не человек, что ли? Могу я хоть раз сделать так, как мне хочется, а не как вам всем надо?

– Что случилось, Эрни? – с тревогой спросила бабуля. – На тебе лица нет.

– С чего ты взяла, что у меня что-то случилось?

– Да посмотрела на тебя и поняла все. И ночь сегодня была нехорошая. Плохое предчувствие. Холодом как-то потянуло. Зло было рядом. Вот и решили с Мартином тебя с утраца проведать.

– Спасибо за заботу. Наше вам с клешней, держите в обе руки! – пробурчал Эрни. – И Мартин здесь? Как дела, малыш?

– Спасибо, хорошо, – ответил Мартин.

– Что в дверях топчетесь, заходите, коль пришли, – проворчал Эрни, – пошли на кухню, сообразим что-нибудь горяченькое.

Они вошли в кухню. Там царил страшный кавардак. Горы грязной посуды соревновались в высоте, скатерть была покрыта разноцветными пятнами, вся в подпалинах, закапанная воском. Огонь в камине давно погас, из дымохода ощутимо тянуло холодом. Августа села на одиноко стоявший у окна стул. Огляделась:

– Что-то совсем не узнаю я тебя, Эрни!

Старик что-то искал в недрах буфета. Когда он разогнулся, в его узловатых руках покачивалась пузатая бутылка зелёного стекла. Таким же неуверенным шагом он дошёл до шкафа, вытащил пару стаканов, оценивающе посмотрел сквозь них и, поставил на стол, плеснув в них по приличной порции тёмного напитка из бутылки. Один он протянул Августе, та помедлив, брезгливо повертела его в руках.

– Твоё здоровье, Августа, – произнёс он и залпом осушил стакан.

– И твоё, Эрни, – ответила она, немного пригубив. – Теперь рассказывай, что такого стряслось, если ты сам на себя не похож.

– Не люблю я жаловаться. Видимо, не с той ноги встал. Как проснулся ночью, выглянул в окно, и так эта серость надоела! Маяк этот проклятуший. Сижу тут, как краб в панцире, как килька в банке, только в окошко поглядываю да лампы и зеркала чищу, чтоб маяк ярче горел. А кому это надо? Мне? Да ничего мне не надо. Рыбаки вон неделями в море не выходят, шторма пережидают. И какого ляда мне напрягаться?

– А с чего это ты посреди ночи проснулся? – со всей серьёзностью спросила Августа.

– Да сам не знаю. Зашемило что-то в груди, как доской по голове огрело, и главное – мысль паршивая в голове свербит: а зачем все это надо? Так и просидел почти всю ночь, обдумывал. Поднялся на маяк, смотрю – тускло горит. Вроде горит, а мглу не рассеивает. Я его чистил, чистил, лампы мыл, зеркала протирал, ничего не помогло. Под утро замёрз, плюнул на это дело, спустился на кухню, откупорил бутылку. А тут и вы нарисовались.

– Говоришь, тускло горит? Тьму не рассеивает? А вчера?

– Вчера-то, нормально. Как подменили его... И меня заодно, – уже шёпотом добавил Эрни.

– А камин когда погас?

– Да я точно не помню. Ночью и погас, пока я спал. А как проснулся, мне не до того было.

Бабушка встала и хлопнула в ладоши, когда она начинает действовать, перечить ей не стоит:

– Надо развести огонь в камине, а то зябко. Мартин, сходи во двор за дровами, сейчас разведём огонь, и станет лучше.

Мартин знал, что дрова Эрни хранит с подветренной стороны маяка, под навесом. Он накинул куртку и вышел. Тут же под ноги ему бросился ветер. Мартин пошатнулся, но, едва обогнув маяк и спрятавшись от ветра, он сумел набрать полную охапку дров из аккуратной поленицы. Возвращение потребовало от него немалых усилий: как только он показался из-за угла, тотчас был атакован порывом ветра, норотившим забросить ему за шиворот как можно больше снега. Не обращая на это внимания, Мартин добрал до двери и толкнул её ногой. Дверь распахнулась.

«Хорошо ещё, что дверь открывается вовнутрь, а не наружу, – подумал Мартин. – Стоял бы сейчас, пытаюсь открыть с полными-то руками».

Он прошёл через всю кухню и свалил свою ношу перед камином. Августа уже сидела рядом на корточках, разжигая бересту для растопки. Через некоторое время первый язычок пламени робко коснулся дров, а ещё минут через пять пламя ревело, пожирая поленья. Что-то сначала потрескивало в камине, но потом стал слышен только равномерный гул огня. Сделалось намного теплее и уютнее. Эрни подошёл к камину и, присев перед ним, протянул к пламени узловатые пальцы. Немного посидев так, он с улыбкой обернулся:

– Ну что? Кому из вас предложить чаю?

– Дедушка Эрни, а можно мне горячего шоколада? – восторженно спросил Мартин.

– Шоколада? Можно. А ты, Августа, чего изволишь?

– Вот сейчас я узнаю Старого Эрни, – откинувшись на спинку стула, сказала Августа, – теперь я бы выпила чаю.

Мартин слонялся без дела. Бабушка и Эрни о чем-то тихо говорили на кухне, а Мартин в это время изучал разбросанные по всему дому карты. Карты были интересные, старые настолько, что изображали землю плоской, стоящей на трёх слонах и черепахе. Восхищало то, что карты были красочными, по ним бродили фантастические звери, но каждый ребёнок знает – Земля-то круглая. Сама идея плоской Земли была заманчивой. Разве мы не наблюдаем каждый миг, что Земля плоская? Что она заканчивается за горизонтом, там, где купол неба встречается с сушей или морем? Если верить своим глазам, то старые карты не врут. Возможно,

бабуля права, и наука только все усложняет? Кто знает, что там, за линией горизонта. Может, там зияет бескрайняя пропасть в тёмные миры, и если свесить голову вниз и смотреть в бездну, то можно рассмотреть лапы гигантской черепахи? А если спуститься и прокатиться на хоботе одного из слонов или посмотреть, что на другой стороне Земли? Какие тайны и сокровища там скрываются от людских глаз? Возможно, с той стороны дно отлито из золота и выложено драгоценными камнями. Мартин знал, что золото и красивые камни добывают рудокопы, и даже представил себе, как люди наконец-то прорубят шахту насквозь, прямо на ту сторону, и увидят слонов на черепахе. То-то они удивятся. Все это настолько увлекло Мартина, что он совсем забыл о бабуле и старике Эрни.

– Думаю, Эрни, что я права, – услышал Мартин, – просто так ничего в этом мире не происходит. На все есть своя воля. Тёмная или светлая. Сейчас я чувствую, что вмешалась тёмная воля и украла саму суть маяка. В далёкие времена наши предки в его основание вложили волос Солнца. Я уверена, он пропал. Ты можешь сколько угодно протирать лампы или устанавливать новые, но если огонь в душах моряков погас, то его уже не разжечь простым включением ламп. Лампы будут гореть, тревожа ночь, но, не рассеивая мрак. Нужно идти к истокам. Не знаю, как ты, а я собираюсь отправиться в погоню за украденной сказкой и вернуть украденный волос.

– Но подумай, Августа, сейчас не то время, когда все решается сказками; я даже не уверен, что этим ты сможешь изменить порядок вещей. Никто в них не верит. Спасибо, ты привела меня в форму. Показала, что я не просто занимаю место на земле и проживаю свою жизнь. Напомнила мне про миссию смотрителя маяка...

– Хорош смотритель, просмотрел все глаза, – буркнула Августа.

– Мне нравится моя жизнь, – продолжал Эрни. – Подумай только, как ты отправишься в путь? С кем, на чем? Ты, старая каракатица, сюда едва поднялась, с кряхтением, а все туда же. Можно подумать, без тебя не найдётся сумасшедших, кто, веря во всю эту ерунду, пойдёт туда, не знаю куда.

– А я бы пошёл, – вмешался Мартин.

– Ты ещё слишком мал, – разумно заметила Августа.

– Бабуль, пожалуйста, позволь мне помочь. Я буду послушным. Честно.

Мартину так хотелось поучаствовать в приключении, что он готов был пообещать все что угодно, даже умыться по утрам. Бабуля несколько секунд внимательно всматривалась в лицо Мартина.

– Хорошо, – смилостивилась она, – посмотрим на твоё поведение. Может, в этом есть смысл.

Они тепло попрощались с Эрни и начали спуск с маяка.

– Мартин, не спеши, – остановила его Августа и указала на отдельно возвышающийся утёс рядом с маяком, – давай поднимемся вот на ту скалу.

– Зачем? – поинтересовался Мартин.

– Нам потребуется помощь сильных и мудрых. Надо воззвать к ним. Если нам повезёт, то мы получим помощь и совет.

– А кого ты хочешь позвать?

– Увидишь.

Скалу венчала большая ровная каменная площадка. С одной стороны площадка была прикрыта выступом, а с других – обрывалась отвесными стенами, прямо в море. Прибой с шумом разламывался у основания скалы, брызги мелкой моросью долетали до самой вершины. Мартину было страшно, но он стыдился в этом признаться. Утёс продувался со всех сторон. Брызги намёрзли причудливыми фигурами. У мальчика не было никакого желания подходить к краю. Он отошёл и спрятался от ветра за выступом скалы. Августа же, напротив, подошла к самому краю. Сложив ладони у рта, она силилась перекричать прибой.

– Дедушка Альбатрос! Дедушка Альбатрос!..

Но ветер уносил слова. Звук голоса был неразличим сквозь грохот моря. Мартин в десяти шагах от бабули не смог разобрать ни слова. Он начал сомневаться, подумав, что бабуля его просто разыгрывает. И хотел было уже предложить ей пойти домой, где горит жаркий камин.

– Дедушка Альбатрос! Дедушка Альбатрос! – продолжала Августа.

Далеко, на самом горизонте, появилась маленькая чёрная точка. Она приближалась с невероятной скоростью, быстро увеличиваясь в размере. Мартин не сразу сообразил, что это огромная птица.

Бабушка ещё раз поднесла сложенные ладони ко рту и крикнула:

– Дедушка Альбатрос! Дедушка Альбатрос!

Птица начала снижаться, и так огромны были её крылья, что Мартин едва устоял под натиском поднявшегося вокруг вихря.

– Здравствуй, Хранительница. Ты меня звала? – молвила птица.

Мартин не поверил своим ушам. Птица – и вдруг говорит человеческим голосом.

– Да, дедушка Альбатрос, – ответила бабушка. – Я хотела познакомить тебя с моим внуком. Приемником. Мне будет спокойнее, если ты за ним присмотришь в случае чего. Он ещё маленький, несмышлёный. Подойди, Мартин, и поздоровайся.

– Э...Здрассте, – робко промямлил Мартин себе под ноги, не решаясь посмотреть на птицу.

– Здравствуй, Мартин. Рад, что будет с кем поговорить, а то иногда слова забываю. Ты просто не представляешь, как временами тяжело найти интересный и пытливый ум. Надеюсь, ты станешь мне достойным собеседником.

– Да, конечно. Будет очень приятно, – все ещё не веря в происходящее с ним, ответил Мартин. Он украдкой посмотрел на огромную птицу и немного осмелел.

– Дедушка Альбатрос, я к тебе с просьбой, – обратилась к птице Августа. – Ты самый быстрый и могучий на этом побережье. Не сможешь нам найти потерянную сказку? Предупреждаю, это может быть опасно.

– Рад буду услужить Хранительнице. Да и поразмяться мне не помешает. Чем я могу помочь?

– Ты же знаешь старого Эрни, хранителя маяка? С ним приключилась беда. Холодный дух Севера проник сегодня ночью в нашу бухту и украл свет маяка. Наши моряки потеряются в море, и сердца их покинет надежда. Надо снова раздобыть волос Отца Солнце, тогда маяк засветится вновь.

Громадная птица сникла:

– Отец Солнце в прошлый раз обещал испепелить меня. Думаешь, он забыл?

– Потому я и говорю тебе, что будет опасно.

– Знаешь, Хранительница, а не ослабит ли его потеря ещё одного волоса в предстоящей ему битве? Нет ли другого пути?

– Другого пути я не вижу, – вздохнула Августа.

– Я помню тёмные времена, – голос альбатроса был тих. – Они случились после потери волоса. Солнце вовремя не взошло, и мир поглотил холод и тьма. С тех пор светило стало сильно уставать: полгода греет землю, а полгода отдыхает. Только Отец Ворон, знает, как это было, говорят, что именно он проник в тёмные земли и помог Отцу Солнцу вернуться на землю.

– Как нам найти Отца Ворона? – слова вырвались из Мартина раньше, чем он смог подумать, мальчик так увлёкся беседой, что забыл о своём страхе. – Дедушка Альбатрос, ты случайно не знаешь, как его позвать, он помог бы нам, рассказал о темных временах.

– Я давно его не видал. Много воды утекло с тех пор, как он удалился в далёкую пещеру, и никто не слышал о нем уже долгие годы.

– А где находится эта пещера?

– Где-то в океане, на островах, к западу отсюда. Я пару раз пролетал над ними, но никого не встретил. Они выглядят дикими и пустынными. Там не селятся люди, не летают птицы, не живут звери. Там подземный огонь выходит на поверхность, отравляя все живое своим дыханием.

– Нам надо добраться до этого острова и поговорить с ним, – заявила Августа. – Есть маленький, но шанс, что Отец Ворон знает, как нам помочь.

– Видимо «нам» адресуется мне, – усмехнулся альбатрос, – потому как сегодня вы не захватили летательные перья?

– Я не прошу, чтоб ты летел один. Я хотела попросить тебя отнести меня на этот остров.

– Бабуля! – не удержался Мартин. – Ты трижды отдыхала, пока мы поднимались на маяк, ты устанешь и упадёшь прямо в море. Что я тогда буду делать?

– Я тоже думаю, что тебе, Августа, лететь не надо, – серьёзно заметил альбатрос, – мне будет тяжело нести тебя, а вот Мартина я смогу домчать за считанные часы.

– Мартина?

– Да, он лёгкий, гибкий, ловкий, молодой и сможет усидеть на моей спине...

– Но он же так мало знает, и Отец Ворон просто не станет его слушать, – взмахнула руками Августа. – Лететь должен зрелый Хранитель.

Альбатрос расправил крылья, голос его гремел:

– Ты забываешь о силе молодости. О неукротимости духа, о сомнениях и тревогах юных сердец. Возможно, именно это и послужит ключом к затворничеству Отца Ворона. Когда встречаются две старые головы, не в обиду тебе, Августа, то разговор напоминает старческое брюзжание. Если к старости приходит за советом молодость, то польщённые старики делятся воспоминаниями и опытом. Я думаю, у Мартина есть шанс.

– Возможно, ты прав, – вздохнула бабуля, обернулась и посмотрела внуку в глаза. – Мартин, ты как? Готов к приключениям?

– Да! – не скрывая восхищения, воскликнул Мартин.

– Тогда не теряйте времени. Попутного ветра вам и удачи!

Глава 3

Мартин летел на спине могучего альбатроса. Страх прошёл, а восторг все больше вытеснялся холодом. Они летели с немыслимой скоростью, внизу проносились облака и острова. Мартин заметил, что альбатрос почти не взмахивает крыльями, как это делают прочие птицы, а подхватывает ветер и парит. Глаза мальчика слезились от встречных потоков воздуха и блеска бескрайнего океана. Лицо горело от холода. Он натянул шарф до самых глаз. Они летели уже несколько часов. Мартин с сожалением подумал, что когда они прилетят, он не сможет самостоятельно слезть, настолько затекло и замёрзло его тело. А ещё он подумал, что в таком виде не сможет произвести впечатление на Отца Ворона. В голове не было никаких мыслей, кроме желания поскорее спуститься на землю.

– Долго ещё лететь? – сквозь шум ветра прокричал Мартин.

– Нет, уже прибыли. Острова под нами. Нам нужен самый дальний из них. Ты там как? Сильно замёрз?

– Нисколько! – соврал Мартин, ему совсем не хотелось, чтоб все считали его малышом и неженкой.

– Может ещё один круг над островами? Осмотрим окрестности? – усмехнулась могучая птица.

– Нет, спасибо, все отлично видно.

– Хорошо. Приготовься, сейчас будем садиться.

Альбатрос сложил крылья и начал стремительно снижаться на пустынный остров, к одинокой горе. Миг свободного падения – и рывок в момент, когда альбатрос расправил крылья, смягчая посадку. Снег завихрился, окутав путешественников с ног до головы белой пылью.

– Уф... – выдохнул Мартин.

– Страшно?

– Немножко...

– Это ничего. Вижу, что ты замёрз. Слезай и походи, побегай, попрыгай. Быстро согреешься.

– Спа-спа-сибо, – стучали от холода зубы мальчика.

Он слез со спины альбатроса и стал прохаживаться кругами, приседая и размахивая руками. Вскоре он почувствовал, что к нему возвращается подвижность и тепло вытесняет холод из кончиков пальцев.

– Отогрелся? – заботливо спросил альбатрос.

– Да, сейчас намного лучше. Ещё раз спасибо.

– Я заметил недалеко отсюда пещеру, давай с неё и начнём. Может быть, нам повезёт, и она окажется той, что мы ищем.

Они преодолели крутой подъем в несколько метров и вышли на крохотную площадку, с которой открывался вход в пещеру. Он темнел черным провалом на белом, присыпанном снегом фоне. Путники осторожно заглянули в темноту.

– Эй, есть кто-нибудь? – прокричал альбатрос. – Отец Ворон, ты здесь?

Только эхо им вторило «здесь-десь-есь». Прислушиваясь к каждому шороху, они ступили под свод пещеры. Вдруг пол закачался, земля стала уходить из-под ног.

– Что за невоспитанность?! Кого ещё тут принесло?! Что вам тут надо?! – голос раздавался так громко, что, казалось, это говорят сами скалы.

– Мы странники. Я Отец Альбатрос, со мной юный Хранитель. Мы разыскиваем Отца Ворона.

– Зачем вам Отец Ворон?! – гремел голос.

– Нам нужен его совет, – крикнул Мартин в темноту. – Мы слышали, что ни в этом, ни в других мирах нет никого, кто сравнится бы умом с Величайшим Отцом Вороном. Мы смиренно пришли просить разрешения припасть к колодцу его мудрости.

– Надо подумать, – пророкотал невидимый собеседник, уже более спокойно.

– Вот загнул-то, – восторженно прошептал на ухо Мартину альбатрос. – Где так научился?

– Сказку читал про восточных царей, к ним вельможи так подлизывались, – тоже шёпотом ответил Мартин.

– Уважаю. Потом расскажешь, полезная сказка.

– Я решил! – голос был торжественен. – Я помогу вам. Но сделайте и вы мне одолжение.

– Если это в наших силах! – прокричал альбатрос.

– В ваших, ваших. Выходите из моей ноздри, а то, если чихну, лететь вам до края земли и кувыркаться.

Альбатрос и Мартин поспешно выскочили на площадку и стали спускаться вниз. Земля вокруг заходила ходуном. Часть горы взметнулась вверх, срывая с себя камни и чахлаю растительность.

– Гляди-ка, – воскликнул Мартин, – это и не гора совсем. Это крыло Отца Ворона.

Когда пыль осела, их взору предстал огромный нахохленный ворон. Ростом он был не многим ниже облаков. Голова его потеряла свой иссиня-чёрный цвет и была седой, словно посыпанная пеплом. Великая сила скрывалась в нем. Путники замерли, рассматривая старца.

– Я рад, – заскрежетал Отец Ворон, – что молодость пришла за советом к старости. Много веков назад я нашёл это уединённое пристанище, отказался от мира, полётов и свежего ветра. Настало время, и никому уже не было дела до советов и воспоминаний такого старика, как я. Чем же я могу помочь уважаемым путникам?

Альбатрос прокричал:

– Отец Ворон, случилась беда. Безликая тень с севера похитила волшебный волос солнца, душу маяка. Посоветуй, как нам быть. Как вернуть маяку былую силу. Иначе моряки никогда не найдут дорогу домой.

– Вот теперь-то я вспомнил тебя, юноша, – голос Отца Ворона гремел. – Ведь именно ты на заре веков, по глупости своей, и по наущению женщины вырвал волос из головы Отца Солнца. Знаешь ли ты, сколько бед принёс в этот мир твой отчаянный поступок?

– Да, это был я. Оправданием мне служит лишь то, что делал я это во имя и ради любви. Я спас влюблённых, принёс в мир немного света и тепла. Да, я виноват. Я был молод и горяч. Но неужели ты, Отец Ворон, забыл, что значит быть молодым и любить?

Голос альбатроса звучал все сильнее и громче. Последний звук эхом отразился от разбросанных вокруг камней и затих в звенящей тишине.

Ворон на минуту задумался:

– Ты прав. Конечно, прав. Но я не могу забыть того, что случилось после.

– Отец Ворон, а что случилось после? – не удержался Мартин.

– Когда Отец Солнце спустился на ту сторону земли и сел в свою ладью, он не заметил потерю волоса. И не знал, что силы его огня уже не хватит для битвы с темными полчищами демонов, охранявших Великого Змея. Он был побеждён впервые с момента основания мира, и заключён в тюрьму. На земле воцарился мрак и холод. Реки, моря и океаны замёрзли. Дули промозглые ветры, сыпался снег. Снега выпало так много, что он покрыл всю землю. И тогда старейшины мира выбрали меня для того, чтобы я проник в тёмное царство и вызволил Отца Солнце на поверхность. Бесшумной тенью скользил я по той стороне земли, и был иссиня-чёрным, как сама тьма.

В самой глубокой пещере я нашёл темницу, где ждал избавления Отец Солнце. Он сильно страдал. Увидев меня, он обрадовался и рассказал, как открыть двери. Для этого мне нужно

было выкрасть ключи, которые висели на шее у не спящего Великого Змея. Я подкрался и закрыл его глаза своими крыльями, так что он и не заметил окутавшую его темноту и посчитал, что все в порядке. Я тихо снял с шеи змея связку ключей и полетел обратно к темнице. Когда я выпустил Отца Солнце из плена, он был так слаб, что мне пришлось нести его на своих плечах. Его жар опалил мне голову, с тех пор она седая. Я вынес его на священную гору, где горит Негасимый Огонь. Там Отец Солнце отогрелся, к нему вернулась сила, он сел в свою колесницу и помчался по небу. И так силен был его праведный гнев, что снега в одночасье растаяли. Вода затопила землю, многие погибли, но часть спаслась на вершине Священной горы.

Увидев, что натворил, Отец Солнце опечалился. Он воззвал к своей Небесной Матери с мольбой о помощи. Небесная Мать снова обернулась гагарой и, спустившись в наш мир, нырнула в глубины океана. Она ныряла и ныряла, от невысказанных усилий у неё горлом пошла кровь. Наконец ей удалось добраться до земли. Она ухватилась за эту землю и вытащила её на поверхность. Но земля была мокрой, и все на ней было мокрым. Люди, расселившись по земле, ходили в мокрой одежде, ели сырую пищу, отчего многие болели и умирали. Тогда Отец Солнце попросил меня лететь на Священную гору, и взять у стерегущего Негасимый Огонь Инмара язычок пламени, и отдать его людям. Но Инмар был не в духе и наотрез отказался поделиться. Тогда мне пришлось пойти на хитрость. Я пел и плясал перед ним, пока великого кузнеца не сморил сон. Вы бы слышали, как я пел. Ни одна птица, так не пела и петь не будет. Я пел и плясал, пока не сорвал голос, а Инмар не закрыл глаза. И только он заснул, я окунул лучину в Негасимый Огонь, отнёс её на землю и дал людям. С тех пор в каждом людском очаге горит часть Негасимого Священного Огня, а вороны не могут петь и только каркают.

Вот что случилось после похищения всего одного волоса Отца Солнце. И боюсь, что он не позволит этому произойти ещё раз.

– И что же нам делать? – расстроился Мартин.

– Не знаю, – вздохнул Отец Ворон, и остров заходил ходуном. – Мне нужно подумать.

Ворон нахохлился и затих. Казалось, что он опять впал в спячку. Мартин снова почувствовал холод и начал ходить туда-сюда по площадке. Снег скрипел под ногами, альбатрос дремал, засунув голову под крыло. Мартин потерял счёт времени, но тут ворон встрепенулся.

– Кхе-кхе! – прокашлялся он. Альбатрос высунул голову, а Мартин остановился, оба с интересом посмотрели на Отца Ворона.

– Кажется, я придумал.

– Что? Что? – в один голос воскликнули Мартин и Отец Альбатрос.

– Кажется, я придумал, – повторил ворон. – Нужно предложить дар, равнозначный по силе и значимости. Дар, который поможет Отцу Солнце в его вечной битве.

– И что может быть равнозначной заменой? – насупившись, пророкотал альбатрос

– Я не знаю. Могу только предположить, что это может быть дар Света. Дар Тепла, дар Огня... Да! Дар Огня! Придумал! – крикнул ворон. От звука его голоса с противоположного склона горы обрушилась лавина. – Нужно принести ему в дар ветку Негасимого Священного огня.

– А где её взять, эту ветку? – спросил Мартин

– Взять её можно у Инмара, – помрачнел альбатрос. – А он после «подвига» Отца Ворона глаз с него не спускает.

– Отец Ворон, а разве в каждом огне, что горит в наших домах, в каждом очаге, камине, печи – нет частицы Негасимого Священного Огня? Почему бы не зажечь огонь самим? – предположил Мартин.

– Потому что часть – не сам Священный Огонь. Первородный дух Огня, неукротимый, негасимый. Вместе они смогут победить в опасном путешествии на темной стороне земли, – ответил ворон.

Альбатрос усмехнулся:

– Отец Ворон, а сам ты не хочешь вспомнить старые добрые времена? Выпить чаю со стариком Инмаром, уговорить его отдать нам ветку Негасимого Священного Огня? Я могу быстренько слетать за печеньем и малиновым вареньем. А может быть, ты просто повторишь подвиг? Или опасаясь за свои перья?

– Слишком стар я стал для этой суеты, провожу время в тишине и покое, наедине со своими размышлениями, – ответил ворон. – Но я могу послать с вами проводника. Одного из моих правнуков. Он, конечно, слишком молод, но быстр на ум и скор на язык. Он проводит вас до Священной горы и поможет поговорить с Инмаром.

– Хорошо, мы понимаем. Зови своего правнука, – согласился альбатрос.

– Карак! Карак! Услышь мой призыв. Лети ко мне, – крикнул ворон, и земля вокруг задрожала.

– Ты звал меня, предок? – раздался голос позади Мартина. – Я пришёл.

Обернувшись, он увидел, как с ближайшего валуна спрыгнул воронёнок, до этого оставшийся незамеченным.

– Как это ты, пройдоха, оказался здесь раньше, чем я тебя позвал? – сурово спросил Отец Ворон.

– Уважаемый предок, ты так шумел и хлопал крыльями, что за сто миль было слышно, и я подумал, раз Отец Ворон проснулся, значит, на это была причина. Я сразу устремился сюда, и моё любопытство было вознаграждено.

Воронёнок низко склонил голову и присел в реверансе, но Мартину на минуту показалось, что тот был издевательски почтителен. А ещё ему понравилось, как говорил воронёнок, его «вор-роний говор-р» убаюкивал.

Альбатрос одобрительно хмыкнул

– Что я вам говорил? – довольно пророкотал Отец Ворон. – Этому птенцу червяка на крыло не клади, проглотит вместе с крылом.

– Это такой вороний юмор, – подмигнул Мартину альбатрос.

– И много ли ты успел подслушать? – сурово спросил Карак Отец Ворон.

– Достаточно, чтобы понять: если меня не оциплют и не зажарят на гриле, то я могу прославить вороний род на века. И я знаю, как нам добыть Негасимый священный огонь.

– Как? – В один голос спросили все.

– Он сам его отдаст, – уклончиво ответил довольный собой воронёнок.

– Карак! – прогремел Отец Ворон. – Если хочешь сказать, говори. А попусту не сотрясай воздух.

– Хорошо. Мы подарим ему диковинку, он обрадуется, захочет нас отблагодарить и спросит, что мы хотим взамен. А мы и скажем – Негасимый Огонь. Он не сможет оказать.

– А мысль хорошая, – похвалил воронёнка альбатрос. – Только где взять диковинку, не в лавке же?

– Ещё давно, когда я был птенцом, мне моя бабушка рассказывала такую историю:

«В давние времена, когда и человека на земле не было, влюбился Отец Ветер в Молодую Мать Землю. Окрылённый, он парил и пел ей песню о своей любви. Но не суждено им было быть вместе. Ветер постоянно в вышине, сегодня там, завтра тут, а Земля заботится обо всем, живущем на ней. К тому же она была благосклонна к Отцу Небу. Долго пел Отец Ветер, но отчаялся получить ответ от возлюбленной. Тогда он вырвал песню из своей души, зарыл её на берегу прекрасного Звёздного озера, улетел, и никогда больше туда не возвращался. Он навсегда подарил песню своей возлюбленной Земле. А она, в память о нем, вырастила на этом месте могучий дуб, который будет стоять до скончания веков, как символ несбывшейся любви».

Вот такая легенда. Однажды я пролетал над этим озером, видел дуб. Его ветви баюкают небо. Корни уходят глубоко в землю. Озеро спокойное, тихое и молчаливое. В нем отражается, и ночное небо, и колесница Отца Солнца. Только крона дуба шелестит и напевает прекрасную

и печальную песню несбыточной любви. И я подумал, если срезать ветку с поющего дуба и сделать дудочку, то она также будет петь на ветру, куда стоит этот мир. А если такую чудесную дудочку подарить Инмару, возможно, он нам позволит зажечь ветку Негасимого Огня.

– Какая замечательная идея, – похвалил птенца альбатрос.

– Какая красивая история, – выдохнул Мартин.

А старый ворон проскрежетал:

– Отправляйся, Карак! Я рассчитываю на твою смыслённость и изворотливость. Я буду молить стихии о твоём благополучии. А случится беда, посылай весточку на крыльях ветра, и все воронье племя придёт вам на помощь.

Глава 4

Утром, едва открыв глаза, Мартин окинул взглядом комнату. Солнце ещё не встало. Ему захотелось поспать немного, хотя бы до рассвета. Каждый мускул его тела невыносимо ныл после вчерашнего полёта. Он вернулся домой чуть живой от усталости с растрёпанным воронёнком на плече. Бабушка всплеснула руками и бросилась греть воду, умывать и кормить внука. За ужином она слово за слово вытянула из друзей подробности разговора с Отцом Вороном.

Вылезать из постели не хотелось. Снизу доносились привычные утренние звуки: звенели кастрюли, тарелки гулко стукались краями. Мартин решил, что полчаса ничего не изменят, можно ещё понежиться под тёплым одеялом.

– Проснулся уже? – чёрная тень отделилась от шкафа и бесшумно приземлилась на спинку кровати.

– Уф! Напугал же ты меня, Карак, – выдохнул Мартин. – Ещё рано, темно, ничего не видно.

– Пока будем собираться, как раз рассветёт. Дел сегодня много, каждую минуту считать потом будешь. А если будешь лениться, попадёшь в лапы похитителей времени. Рассказывают, что они стоят за спиной каждого человека и вытаскивают секунды, которые он не использует с толком, а потом времени и не хватает. Так что его надо беречь.

– Какие ужасы ты говоришь с утра пораньше!

– Ещё поваляться в постели желание есть? – усмехнулся воронёнок.

Мартин помотал головой

– Если нет, то вставай. Видишь, какой толк от ужасов по утрам, и уговаривать долго не пришлось.

– Скажи честно, ты все это выдумал, про похитителей времени?

– Выдумал – не выдумал. Какая разница? Главное – относиться бережно к отведённому тебе времени и попусту его не растрчивать.

– Я теперь совсем спать не буду.

– А вот это зря. Спать тоже нужно, иначе твоё время пойдёт быстрее.

– Как так?

– Все очень просто. Пока ты бодрствуешь, твоё тело работает. А когда спишь, то работает только твой дух, а тело отдыхает. И получается, что ты живёшь, участвуешь в приключениях постоянно. Ведь сон – это приключение души, её закалка. Душа бессмертна – тело нет. Пока душа парит в стране грёз, тело отдыхает и устремляется в новый день с новыми силами.

– А душа не устаёт?

– Душа устаёт только от безделья. И плохое настроение, и мысли черные только оттого, что душа не живёт полной жизнью. Ей скучно... – Карак внезапно замолчал – Что-то заговорились мы с тобой. Вставай, а я полетел на кухню.

И чёрной тенью метнулся в приоткрытую дверь. Сквозь проем с лестницы поднимался в комнату запах свежеспечённых оладий и доносился свист закипевшего чайника.

Мартин посидел минуту, свесив ноги с кровати, и начал собираться. В голове не укладывалось. Столько событий за последние сутки. Да ещё ворон со своими страшилками. Мартин вздрогнул, зажгёт лампу и стал наспех одеваться, ему все казалось, что кто-то прячется в темноте у него за спиной. Кое-как одевшись, он поспешил к умывальнику. Мылся тщательно, обильно намыливая руки, лицо, шею, почистил зубы. Лицо горело от прохладной воды, руки стыли, но он не отступил и продолжал терпеть. Умывшись, он промокнул лицо полотенцем, вытер насухо руки, бросил полотенце на кровать и сбежал вниз по лестнице. Когда он появился

на кухне, Карак уже прохаживался по столу взад-вперёд. Бабуля суетилась у печи, что-то переставляя, помешивая.

– Утро доброе, – бросила она через плечо входящему внуку. – Быстро ты сегодня, и за снегом идти не пришлось.

– Доброе утро, – ответил Мартин. – Минуты считаю, а не часы!

– Карак, ты случайно не заметил, ночью Мартина никто не подменил? Ты же всю ночь с ним просидел?

– Нет, что вы, уважаемая Августа, это Мартин собственной персоной. Только умытый, одетый и готовый к приключениям.

– Хорошо. Видимо, ты, Карак, знаешь волшебное слово, которое заставит Мартина по утрам так вскакивать без лишних разговоров. А ты, Мартин, садись, ешь. Надеюсь, руки проверять не надо? Вымыты на совесть?

– Вот, – протянул Мартин бабуле ладошки и повертел перед ней. – Чисто?

– Чисто, чисто. Садись, давай. Пей какао, я напекла оладьи с мёдом, поешь сейчас и с собой возьми в дорогу. Мало ли, проголодаешься.

– Спасибо, бабуля – поблагодарил Мартин и набросился на еду. И за пять минут умял все, что стояло перед ним на столе. Ворон предусмотрительно отошёл на край стола и оттуда искоса поглядывал на Мартина, расправляясь со своей порцией.

– А скоро прилетит дедушка Альбатрос? – спросил Мартин, оторвавшись от кружки и переводя дух.

– Он уже прилетел и ждёт тебя на скале. Так что, как будешь готов, он тебя заберёт, – ответила Августа.

– А я готов.

– погоди минутку, я тебе соберу с собой обед, – она начала раскладывать перед Мартином на столе свёртки. – Вот смотри – это фляжка с чаем. Здесь я тебе завернула оладьи, это баночка мёда, тут бутерброды с копчёной рыбой. Все я тебе положу в твой школьный рюкзак, так что забросишь за спину, и мешать в пути не будет. Что ещё... надеюсь, ничего не забыла.

– Да не волнуйся ты, бабуля. Все будет хорошо. Я же не один, – успокоил её Мартин.

– Хорошо, хорошо, не буду волноваться, – Бабушка Августа спрятала беспокойство за напускной бодростью, – в добрый путь.

Мартин, памятуя о вчерашнем полете, одевался на совесть. Две пары брюк и два свитера. Сверху куртка с капюшоном, отороченная мехом, тёплая меховая шапка с висячими как у собаки ушами. Меховые рукавицы на резинке, пришитые к куртке, тёплые ботинки с шерстяными носками. Сегодня он ко всему готов.

– Пойдёмте скорее, а то очень жарко, – пожаловался Мартин. Он, надев столько одежды, ощущал себя в комнате неуютно. Казалось, что его связали по рукам и ногам, и двигаться было тяжело.

– Пойдём, – согласилась бабуля.

Они шли по спящему городу. Было тихо, и только снег хрустел под ногами. До рассвета оставалось совсем немного, скоро, с первыми лучами солнца, город преобразится. Откроются лавки, магазины, люди начнут заниматься своими делами. А пока жители безымянного посёлка наслаждались предутренним сном, нежились в своих постелях. Мартин немного завидовал им, предававшимся сонной неге. Но при мысли о предстоящих приключениях сердце подпрыгивало от радости и билось сильнее. Он бы ни за что не променял приключения на сладкий сон в мягкой постели.

Когда они поднялись на скалу, первые лучи солнца уже прорвались сквозь облачную дымку неба, и снег на вершине горы заиграл искрами. Альбатрос ждал их там же, где они встретились вчера, на ровной площадке у самой вершины утёса. Он тепло поприветствовал их:

– Доброе утро, Августа, Карак, Мартин. Как спалось? Надеюсь, вы набрались сил?

А ты, Мартин, как я погляжу, готов к дальнему перелёту? Снарядился словно в Ледяную страну.

– Ничего. В тепле не в холоде, – бабушка Августа похлопала внука по спине. – Начнём приключение или сегодня мы собрались поболтать?

– Вы готовы? – обратился альбатрос к ворону и Мартину, – тогда полезайте на спину и держитесь крепче. Полетим быстро.

Мартин распахнул ворот, и ворон нырнул головой вперёд под его куртку. Он царапал когтями живот мальчика, извивался до тех пор, пока не перевернулся и не высунул голову из ворота наружу.

– А не так уж и плохо, как показалось сначала, – заметил воронёнок. – Ну что, в путь?

– В путь, – Мартин сел на спину альбатроса, и едва он устроился, альбатрос взмахнул крыльями и камнем рухнул с утёса вниз. Мальчик вцепился в перья, зимнее море неумолимо приближалось. Карак судорожно царапал когтями живот Мартина, хотел выбраться. Но альбатрос раскинул крылья, поймал воздушный поток и невозмутимо начал набирать высоту.

Он совсем не взмахивал крыльями, а бесшумно парил над белой пустошью, и если бы не ветер, дующий в лицо, можно было подумать, что время остановилось. Только меняющиеся контуры облаков, похожих на хлопковые замки, создавали иллюзию стремительного движения. Проснулся Мартин оттого, что Карак зашевелился.

– Я тебя разбудил? – виновато спросил воронёнок.

– Да, ничего страшного, я слегка задремал

– Извини. Крылья и лапы затекли, давно не сидел неподвижно так долго. Но уже скоро должны прилететь, – сказал воронёнок и снова затих под курткой.

Альбатрос все летел и летел, и Мартин снова начал скучать. Чтобы прогнать дрему и не пропустить что-то интересное, он обратился к пригревшемуся у него за пазухой ворону:

– Карак, знаешь, я давно пытаюсь понять. Если все реки впадают в море. Они его питают и наполняют, но реки пресные, а море почему-то солёное. Не понимаю.

Ворон прокашлялся:

– Почему море солёное? На это тоже есть своя история. Не знаю, правда, или нет, но вороны так рассказывают:

«Решил как-то посвататься великий кузнец Инмар к младшей дочери морского царя. Пришёл он к берегу моря и начал звать морского владыку:

– Ой ты, государь всех вод, выйди, покажись. Я, великий кузнец, прошу руки твоей младшей дочери.

Вспенилось море, зашумело и расступилось. Вышел из моря грозный морской царь. Весь в жемчугах и кораллах, в левой руке – перламутровый рог, а в правой – острога. Посмотрел он свысока на кузнеца, скривился и молвил:

– Это ты, что ли, прославленный мастер? Что-то не очень-то и похож. Какой-то ты оборванный, лицо в саже, руки в ожогах, такими руками не царских дочерей трогать, а уголь бросать. И ты думаешь, что я отдам за тебя свою дочь? С тебя и взять-то нечего.

– Ты прав, – отвечал мастер. – Нет у меня ничего, кроме этих рук, кузницы и дара. Если я для тебя, великий владыка вод, сделаю такое чудо, которое тебе и не снилось, отдашь за меня дочь?

– Если сделаешь такое чудо, то отдам. Даю слово, – молвил царь. – Жду тебя во дворце через три дня с чудом, иначе не видать тебе моей дочери.

Ушёл кузнец к себе в кузницу и начал думать. Думал, думал и придумал. Для жизни нужна мука, чтоб печь хлеб и быть сытым. Для жизни нужно золото, чтоб помогать другим. Для жизни нужна соль, чтоб солить рыбу, мясо, сохраняя их на долгую зиму.

И выковал кузнец из железного камня два круга, положил один на другой, и получился жёрнов. Крутишь вправо, высыпается из него мука, крутишь влево – чистое золото, а пере-

вернёшь – белоснежная соль. А чтобы мельница остановилась, надо было просто сказать ей спасибо.

Доволен остался кузнец творением рук своих. Принёс на берег жернова и стал думать, как бы в срок поспеть ко дворцу морского владыки. Видит, мимо на лодке идут рыбаки. Он им с берега кричит:

– Добрые люди, помогите доставить подарок морскому царю, а я в долгу не останусь. Отблагодарю от души.

– Да о чем речь. Залезай скорей, – ответили рыбаки.

Залез кузнец в лодку, повернул жернова вправо, выпало немного золотого песку, поблагодарил он мельницу и расплатился с рыбаками. Но взыграла в тех рыбаках жадность. Дождались они, когда уснёт кузнец, и тайком повернули жернова вправо. Начали жернова молотить, и золото посыпалось рекой, но не знали жадные рыбаки, как остановить волшебные камни, и скоро лодка была заполнена золотом до краёв. От такой тяжести она потонула вместе с рыбаками. А жернова, погружаясь на дно, перевернулись, но продолжали молотить, только уже не золото, а соль. С тех пор лежат они на дне, и мелют, и мелют, оттого соль в море и не заканчивается. А младшая дочь морского владыки увидела тонущего кузнеца и пожалела его. Она превратила рыбаков в жизнерадостных дельфинов, те посадили на спины свои кузнеца и отвезли его на берег. С тех пор дельфины плавают по всем морям и спасают упавших за борт людей. Но это уже другая история. Так говорят вороны, но ты вполне можешь и сам придумать свою сказку «почему море солёное». От этого вода в море не убудет. И не обидятся волны ещё на одну сказку.

– Значит, если я сам придумаю сказку, то она и будет правдой?

– Для тебя, да. Для моря – она станет одним из возможных вариантов. Ты объяснишь все по-своему. Вложишь в рассказ частичку себя. И в душе вы породнитесь. Ты и море.

– Все равно не очень понимаю! – пожаловался Мартин.

– У некоторых вся жизнь уходит на понимание. А ты хочешь за пять минут познать устройство мира.

Альбатрос начал кругами снижаться, и с каждым витком спускался все ниже и ниже. Под ними распростёрлась горная цепь, у подножья в долине зеленели ровные луга, казалось, зима сюда никогда не заглядывала, только самые высокие пики гор были покрыты снегом. Издали виднелось огромное озеро. Казалось, что это зеркальная гладь. Мартин не заметил никакого волнения вод или присутствие ветра. На берегу возвышалось дерево-великан. На его вершине отдыхали облака, и даже на большом расстоянии было слышно, как шумит его листва, словно напевая прекрасную старинную песню. Альбатрос неуклюже приземлился у кромки воды, пробежав несколько метров с распахнутыми крыльями, гася скорость. Мартин спрыгнул на землю:

– Уф! Наконец-то долетели, а то у меня все тело затекло, А вы не заметили, как тут странно? Нет ни ветра, ни снега?

– А ветры сюда больше не заглядывают, и снег не приносят. Отец Ветров строго–настрого запретил своим сыновьям тут показываться, они выполняют волю отца, – выбравшись наружу, Карак с удовольствием замахал крыльями.

– А это и есть то самое дерево? – альбатрос проковылял поближе, с любопытством разглядывая его.

– Стоять на месте! А то сейчас все перья повыщипываю! Пшёл прочь! – остановил альбатроса крик из кроны дерева.

– Стою! А ты кто? Покажись.

– Показываться тебе много чести! Пшёл, говорю!

Карак зашептал Мартину на ухо:

– Это дух-хранитель дерева. Он безобидный. Я с ним поговорю.

Он спрыгнул на землю:

– Добрый день, уважаемый! Как служба? Поди-ка, не сахар?

– Не твоего ума дело. По тебе сразу видно, что хитрые у тебя глаза. Отвечай, что задумали?

– Да ничего не задумали. Мы путники. Пролетали мимо, увидели прекрасное озеро и подумали, что лучше этого места на земле нет. Вот и решили сделать остановку, передохнуть, выпить чаю, подкрепиться оладьями с мёдом.

– Мёдом... – мечтательно проговорил голос – Да, место тут прекрасное, тишь да благодать, только мёда тут нет.

– Не побрезгуй, дух-хранитель, отобедай с нами, угостим мы тебя медком. Поди, путников тут немного, и поговорить не кем?

– Путников-то тут отродясь не бывало. Иногда духи озёрные повыскакивают. А что с ними общаться, с пустобрёхами. Ни новостей, ни рассказов. Правда, порой приходит Мать Земля, посидит у дерева, послушает, как песня в кроне шумит, вздохнёт и уходит.

– Да, тяжела у тебя служба.

– Не жалуясь. Какое-никакое, а дело. Звать-то тебя как?

– Зовут меня Карак, я младший правнук Отца Ворона. Со мной Отец Альбатрос, и Мартин, юный Хранитель. Мартин, подойди, покажись, не стесняйся.

Мальчик с опаской приблизился к могучему стволу, и безуспешно пытался разглядеть собеседника в густой листве.

– Вот теперь вижу. Мартин-то, гляжу, брат Медведя – хранителя леса. Я-то удивился, кто из этих пернатых мёд любит. Птицы-то мёд не едят, – спрыгивая с ветки, проговорил дух-хранитель.

– А почему медвежий брат? – спросил Мартин. Собеседник его был росточка небольшого, с ладошку. Похож на жёлудь, с глазами и бородой. Непонятно где голова, а где тело. Только ножки и ручки торчат из бороды.

– А ты разве не знаешь, что первый медведь был человеком? – деловито усаживаясь на камень, спросил он.

– Нет, – ответил Мартин, присев напротив. Ворон запрыгнул Мартину на плечо, а альбатрос расположился за спиной.

– Ты это... вот чего... я пока рассказывать буду, ты не стесняйся, доставай, чего там у тебя... про мёд не забудь, – напомнил дух-хранитель. – Значится, как дело было: «Давным-давно жил на земле человек один. И имел он большую слабость. Любил он мёд пуще всего. И когда он ел мёд, то забывал обо всем на свете. Целыми днями он ходил по лесу в поисках мёда, бродил от дерева к дереву, от дупла к дуплу. И очень его не любили пчелы, как увидят в лесу, так и жалят нещадно. И как-то раз попросил он Лесного Отца подарить ему защиту от этой напасти. Выполнил Лесной дух его просьбу. Обернул его густой шкурою, которую пчелы прокусить не могут. Только оставил нос незащищённым, чтоб по справедливости было, и пчелы могли его жалить. Вот и ходит с тех пор медведь по лесу. Мёд ест, да только одной лапой, второй нос прикрывает, чтоб пчелы не жалили, а одной лапой много ли наешь. И пчелы довольны, и медведю дело. Следы лап как у человека, весь в меху, а нос голый». Так и появились медведи на земле. С тех пор они охраняют лес, чтоб никто чужой туда не заходил.

– Вот, пожалуйста, угощайтесь, – Мартин раскрыл свой рюкзак и вытащил все, что бабуля собрала ему в дорогу.

– Премного благодарен, – повеселев, сказал дух и пододвинул к себе баночку с мёдом, одного с ним размера.

– Дать вам ложку для мёда? – спросил Мартин.

– Спасибо за заботу, я как-нибудь сам справлюсь, – пробормотал дух, засунув голову в баночку и вылизывая стенки.

– Не одни медведи мёд любят, – усмехнулся альбатрос.

– Что бы вы, пернатые, понимали в удовольствии, – дух высунулся из банки, выпачканный с ног до головы мёдом, борода слиплась, а глаза лучились счастьем. – Прощу прощения. Я немного увлёкся и забыл о хороших манерах. Утощайтесь, – милостиво указал дух на опустевшую баночку.

– Спасибо за заботу, – недовольно проворчал альбатрос, поглощая рыбу с бутерброда.

– Вы так и не сказали, куда направляетесь, – продолжил беседу дух и довольно развалился на камне. – Если могу быть чем-то полезным, скажите, и я с удовольствием помогу.

– Очень мило с вашей стороны предложить нам помощь. Если честно, мы сейчас испытываем некоторое затруднение. – Карак замешкался, явно стесняясь. – Не знаю, говорить или нет.

– Друзья, какие могут быть сомнения, – встрепенулся дух. – Сделаю все, что в моих силах. Не молчите, рассказывайте.

– Мы слышали, что в этой долине покоится песня Отца Ветра.

– Совершенно верно.

– А Мать Земля отметила это место, вырастив могучий дуб.

– Именно так, – согласился дух.

– Ходят слухи, что дерево впитало в себя эту песню, и сейчас песня живёт в самом дереве.

– Меня поражает ваша просвещённость, – удивился дух.

– Тут нет ничего удивительного, – продолжал ворон. – В самом начале времён, когда Небесная Родительница создала землю, она притомилась после долгих трудов. Присела на вершину Священной горы, и вздохнула. Её дыхание обернулось Отцом Ветром, который понесся по миру. Но его тень постоянно цеплялась за деревья и задерживала в пути. Он оторвал свою тень и дал ей крылья. Этой тенью и был первый из нас, наш предок, Отец Ворон. Все что знает ветер, знает и ворон. Потому что мы тени ветра.

– Удивительная история, – восхитился дух, – так мало мы порой друг о друге знаем.

– Да, – согласился с ним Мартин, все это время просидевший с открытым от удивления ртом, – потрясающий рассказ.

– Мартин, а вы как оказались в такой компании? Если честно, то я ни разу не видел и не слышал, о том, чтобы кто-то из первородных сил разговаривал с людьми или показывался им.

– Мартин – юный Хранитель, – напомнил Отец Альбатрос, – и нас объединил поиск потерянной сказки.

– Не может быть! – воскликнул дух, он так живо реагировал, что более благодарного слушателя надо было поискать. – Что произошло?

– Несколько дней назад, – начал издали Мартин, – на нашем острове далеко-далеко отсюда погас маяк. В смысле, маяк-то продолжал гореть, только тьму не разгонял, и стало очень тоскливо. Моя бабуля решила пойти к истокам, добыть волос Отца Солнца, потому как первый маяк на нашем острове зажёт именно он. Но ей такие испытания уже не по силам, а больше некому, вот я и вызвался лететь. Мы отправились на край света и говорили с Отцом Вороном. Он посоветовал нам добыть искру Негасимого Огня, который поможет Солнцу на той стороне земли. Взамен тот позволит нам взять ещё один волос с его головы. По крайней мере, план у нас такой.

– Чёрное ведовство, – заметил дух. – Но Негасимый Огонь охраняет Инмар, неспящий кузнец-великан.

– Потому нам и нужна твоя помощь, добрый дух, – вмешался ворон. – Мы хотим задобрить Инмара и подарить ему чудо. Мы думали, если ты позволишь, сорвать веточку с твоего дерева, что поёт на ветру. Мы сделаем из неё дудочку, которая сама будет играть, и подарим её Инмару. А в ответ великий мастер одарит нас Негасимым огнём. Поможешь ли ты нам?

Дух-хранитель задумался:

– Я не могу дать вам ответ сразу. Потеря ветки может ослабить меня и моё дерево.

– Простите меня, но я не понимаю, как потеря ветки может ослабить вас? – Мартин пытался представить то, что говорил дух, но у него не получалось.

– С изначала так повелось. У каждого на земле есть свой дух. У человека, ворона, альбатроса, дерева, травы, реки. Только у тебя и этих пернатых дух внутри, вы его называете душой, а у дерева, травы, реки – дух снаружи. Вот у этого дуба дух я. И все что происходит с ним, происходит и со мной.

– Простите, я даже не подозревал, что все так сложно, – Мартин, наконец, понял, о чем ему говорил сладкоежка. Все в жизни непросто, одно связано с другим загадочными невидимыми узами.

– Да не извиняйся. Толку с этих извинений... – пробурчал дух, – подождите, я с деревом посоветуюсь, может, что и придумаем.

Он запрыгнул на ветку и скрылся в кроне могучего дуба.

– Ну и что дальше? – зевнул альбатрос.

– Дальше – сидим и ждём, – ворон стал прохаживаться туда-сюда, что-то бормоча себе под нос. Мартин скинул с себя куртку и, положив её под голову, лёг в тени дерева. Альбатрос засунул голову под крыло и задремал. Спустя некоторое время появился дух, держа в руках тоненький шепчущий прутик.

– Грядут тёмные времена. Мы решили, что должны вам помочь во имя светлых сил. Отец Солнце так долго согревает нас своим теплом, и будет правильно вернуть ему часть заботы и помочь в его неравной битве. Держите, только обещайте на обратном пути погостить у меня немного и рассказать, чем окончилось ваша погоня за сказкой.

– Спасибо, добрый дух, обязательно навестим вас ещё раз, – в один голос пообещали странники. Мартин собрал вещи, набросил на себя куртку. Альбатрос распахнул огромные крылья и взмыл в небо.

– Да не за что. В добрый путь! – крикнул им вслед дух и снова растворился в кроне своего дуба.

Глава 5

Отец Альбатрос подхватил попутный ветер и полетел. Домой они вернулись только на закате. Высадив Мартина и Карака на утёсе, альбатрос заторопился:

– До завтра. А сейчас я полечу к себе, а то ваши бутерброды с рыбой только аппетит раздражили.

– А я, пожалуй, останусь, поклюю олады, – проговорил ворон, и, взлетев над утёсом, спланировал в сторону посёлка.

Мартин бегом спустился с горы, не останавливаясь, промчался по главной улице. Он не заметил, как бесплотная тень скользила за ним под покровом наступающей темноты. Бабушка Августа ждала его на крыльце:

– Заходи скорее, – поторопила она его, быстро окинула взглядом пустынную улицу и захлопнула дверь. Тень сделала попытку протиснуться следом, но пузатая чугунная печь на кухне зашипела, защёлкала угольками. Тень отшатнулась и ринулась прочь. Воронёнок был уже дома и важно расхаживал по кухонному столу.

– Ты представляешь, мы встретили духа, угостили его мёдом, было так здорово. Я до этого ничего не знал о медведях, а главное, о духах. Оказывается они повсюду. – Мартина распирало от впечатлений, и он хотел поделиться ими как можно скорее, а потому пытался рассказать сразу обо всем, что узнал за день.

– погоди, не торопись. Поешь спокойно, а потом все расскажешь, – Августа, быстро накрывала на стол. – А ты, Карак, чего желаешь?

– Обо мне не беспокойтесь, любезная бабушка Августа. У вас не осталось немного оладий? Мне они очень понравились.

– Конечно. Тебе подогреть?

– Нет, спасибо. Они холодные вкуснее.

Только теперь Мартин в красках рассказал о путешествии. Бабушка рассеяно слушала сбивчивое повествование внука, а когда он закончил, взъерошила ему волосы на голове и села напротив:

– Проголодался, поди. Ешь, только не глотай, – заботливо произнесла бабуля.

– Шпа-шибо, – с набитым ртом ответил Мартин. – Только мне кажется, ты меня совсем не слушала.

– Не городи чепухи. Когда я ем, я глух и нем. Прожуй вначале, а потом говори, – строго заметила она.

– А как мы сделаем дудочку? – спросил он, прожевав.

– Отнесём ветку к старому Эрни, он на все руки мастер. Помню, в детстве постоянно мастерил что-нибудь. Свистульки там разные, дудочки. Надеюсь, он не забыл, как это делается.

– А когда мы к нему пойдём?

– Вот доешь все, и пойдём.

– Ой, я сейчас, я скоро....

– Не торопись. Лучше прожёвывай. А то все комком в желудок опустится и застрянет, потом жалеть будешь, что не жевал, как следует.

– Вы сегодня сговорились, что ли? – возмутился Мартин, – с самого утра как начали меня пугать. Вот теперь мне и кушать совсем не хочется.

– Доедай, – строго повторила бабушка Августа.

– Спасибо, я наелся. И потом дел у нас сегодня очень много, так что раньше начнём, быстрее закончим.

– Хорошо, собирайся. Пойдём к Эрни.

Мартин вышел из-за стола, бабуля быстро сложила грязную посуду в таз, накрыла полотенцем. Ворон уже перелетел из кухни в прихожую и нетерпеливо переминался на вешалке перед дверью. Августа проверила, как Мартин застегнулся, затем сняла с полки фонарь, открыла дверь и сначала некоторое время вглядывалась в темноту. И не почувствовав ничего тревожного, разрешила всем идти. На улице Карак сразу же устроился у Мартина на плече. Так и ехал до самого верха. Редкие прохожие бросали любопытные взгляды на сидящего на плече Мартина ворона, но вопросов не задавали. Карак веселило замешательство людей, он периодически щелкал клювом, стараясь не выпустить смех, рвущийся наружу. Мартину невольно передалось настроение ворона, он едва сдерживал улыбку, и обязательно, когда здоровался со знакомыми, поворачивался к ним плечом, на котором восседала птица. Бабушка, напротив, одёргивала и поторапливала сорванцов. Когда они прошли посёлок и повернули к маяку, Карак, громко каркая, сорвался с плеча и несколько раз облетел вокруг них, сопротивляясь потокам ветра, который поджидал их на самой вершине.

– И как ты все видишь в темноте? – спросил ворона Мартин.

– Вороны и есть сама тьма, по крайней мере, мы с ней в родстве. Так что она для нас не помеха, – туманно ответил Карак и разразился резких каркающим смехом.

– Ничего смешного тут нет, – отрезала бабушка. – Потешись тут, а то беду накликаете.

– Ой, бабуля, опять ты за своё.

– Нет, что-то сегодня в воздухе не так. Словно ночь уже никогда не кончится.

– Да что ты такое говоришь?

– Не бери в голову. Просто предчувствие тревожное. Все хорошо. А вот и панцирь этого краба, Старика Эрни.

Рассеянный свет маяка не разрывал, как обычно, тёмное полотнище ночи, теряясь в морской дали, а словно падал под ноги, создавая причудливые тени. Колючий холодный ветер вновь сорвался с цепи, задувал в самые защищённые места под одеждой. Море ярилось внизу, громогласно стеля, но разбивалось о гранитные скалы. Эти несколько десятков метров до дома зрителя были самыми трудными.

Постучав в дверь, они услышали: «Входите, не заперто». Бабушка Августа не стала ждать повторного приглашения на ветру, распахнув дверь, она протолкнула Мартина. Следом влетел воронёнок. Мартин повесил свою куртку на вешалку у входа, чем тут же воспользовался Карак, забравшись в рукав, только клюв торчал из ворота.

– Августа, дорогая, проходи, – радушно вскричал старик, – Мартин, рад тебя видеть. Надеюсь, у вас все в порядке? Замёрзли поди-ка? Видишь, как непогода разыгралась.

– Да, согреться не помешает, – бабушка подышала на озябшие руки. – Вот зашли к тебе с маленькой просьбой, Эрни. Можешь вырезать Мартину дудочку из этой веточки дуба? Мартин, покажи.

Мартин вытащил из рюкзака веточку, подаренную духом-хранителем, и протянул старику Эрни.

– Да, уж – скептически сказал тот, повертев в руках прутик, – по существу ничего не нашлось?

– А ты хотел, чтоб мы пришли к тебе с бревном, – вскинулась Августа, – что есть, на том и спасибо. Ну как? Сможешь?

– Разве что очень маленькую, вроде свистульки, на три ноты, не больше.

– Ты, главное, сделай, а с нотами мы как-нибудь сами разберёмся. Потом.

– Хорошо. Надо больше света. Ты пока зажги все лампы, на улице темнеет, а я схожу за инструментами.

Августа прошлась по комнате, зажигая все керосиновые лампы вдоль стен и на столе. Эрни вернулся и принёс с собой множество различных приспособлений. Подойдя к столу, он начал их раскладывать, одни справа от себя, другие слева.

– Так, и что мы имеем? – пробормотал Эрни, доставая очки в массивной оправе. Он придирчиво рассмотрел прутик, – ага, так я и думал.

Потом ножом обрезал края, взял ткань для полировки и начал аккуратно обрабатывать всю поверхность.

– Тут важно не торопиться, веточка маленькая, потому надо все делать аккуратно. Любой музыкальный инструмент – сложная задача. Главное, не испортить душу инструмента. Вот вроде бы, что может быть проще дудочки... ан нет. Чуть дрогнула рука или ошибся глаз – и все, она уже звучать не будет.

Мартин и Августа, затаив дыхание, следили за неторопливой работой Эрни. А тот, в свою очередь, продолжал:

– Я считаю, что музыка – одно из самых чудесных изобретений человека. А какое разнообразие музыкальных инструментов? Раньше человек видел музыку во всем. И в камнях, и в деревьях, и в траве. К примеру, самый первый музыкальный инструмент – это колено. Что может быть проще: сидеть, похлопывать себя по колену или животу. Или по дереву, или камню... Музыка родилась вместе с человеком. Ударные инструменты были на заре человеческой истории. А какая сложная наука – изготовить барабан, они все такие разные. И большие, и маленькие, и толстые, и тонкие, и полые, и цельные... Звучит все, к чему человек прикасается. И не надо слов, когда есть музыка. Я слышал от одного капитана, что на юге в дремучих джунглях люди на десятки километров передают сообщения с помощью барабанов. А как бой барабанов тревожит душу! Он призывает и к бою, и к борьбе, и позволяет успокоиться, или наоборот взбодриться. Барабан – он как сердце, только снаружи. А дудочки – это уже дыхание музыки. Мартин, сложи-ка губы трубочкой!

Мартин сложил.

– А теперь дуй, – продолжал Эрни. Мартин попытался, но только издал несколько несвязных звуков. – Не сразу получается. Вот послушай.

Смотритель попробовал посвистеть, но получились только какие-то фальшивые ноты, в которых мелодия угадывалась весьма и весьма смутно.

– Тоже разучился. Давненько не свистел. Вот тебе наглядный пример первой дудочки. Постукивая по колену и посвистывая, человек никогда не был один. Ни в глухом лесу, ни в жаркой пустыне, ни в открытом море. С ним всегда находилась его песня. И чем больше человек познает мир и предметы его окружающие, тем сложнее становятся песни и инструменты. Вот струнные инструменты появились благодаря охоте. Конечно, я не могу говорить с уверенностью, но, возможно, первой струной была тетива лука. Когда охотники уходили за добычей и ночевали вдали от дома, то сидя ночью у костра, они пели песни о доме, который покинули. Об удачной охоте, пытаясь задобрить лесного хозяина, или усыпляли бдительность зверя. А может быть, они пытались понять, зачем звёздное небо над головой. Пели, постукивая по колену, посвистывая, подёргивая тетиву. Это сейчас придумали скрипки, виолончели, арфы, гитары, а тогда и музыка была проще. Настоящая. Естественная. Песни были о том, что действительно волновало человека, что его окружало. В песнях звучало все, что человек пытался понять, на что он пытался повлиять. К примеру, с помощью песен люди пытались колдовать. Да, не удивляйся. Пытались заговорить ветер, чтоб он дул в нужную сторону, или зверь подошёл к ловушке. Они думали, что если перепоют ветер или просто попросят его о чем-то, то это получится. Раньше считалось, что ветер разумный и обращаться к нему надо как к равному, или даже с большим уважением. И не только к ветру. Ко всему, что их окружало. Лес, море, горы, поля, реки, трава, камень – все они имели душу и свою песню с того момента, как пришёл в этот мир человек.

Эрни привстал и наклонился к камину, раскаляя длинную тонкую спицу.

– Сейчас спицей сделаем отверстия, куда дуть, – пояснил Эрни.

– А откуда появился человек в этом мире? – спросил Мартин.

– Это ты лучше Августу спроси. Она у нас специалист по сказкам. Я тут тебе не помощник.

– Бабуль, расскажи, откуда взялся человек?

– Сложно сказать, давно это было, уж никто и не упомнит, – встрепенулась задремавшая Августа. – Когда Небесная Мать в облике птицы создала землю, после трудов своих она решила отдохнуть в Хрустальной Небесной Башне. Взмахнула она крыльями и устремила на небо. С крыльев её сорвалось несколько капель, они ударились о землю, из этих капель вышли первые люди и расселились по всему свету.

Старый Эрни, не отрываясь от дела, возразил:

– А я слышал, что первые люди появились по воле богов. Когда создали боги землю, то увидели они, что земля прекрасна, но некому было наслаждаться этой красотой. Тогда решили они создать человека и поручили это дело ворону. Спустился ворон на землю, взял немного глины с берега Звёздного озера и вылепил из неё первых людей. Но люди, вылепленные вороном, были склочными и крикливыми, не понравились они небесным богам. Тогда поручили они бобру сделать людей. Великий бобр ушёл в дремучие леса и выгрыз людей из древесины молодого дерева. Но вышли они очень глупыми и молчаливыми. Рассердились боги и доверили небесной короле создать людей. Спустилась небесная королева на берег моря, и увидела она глыбу морской соли. Подошла она к ней и начала вылизывать своим языком и отогревать своим дыханием до тех пор, пока не вышли из глыбы мужчина и женщина. Вскормила она их своим молоком и согрела своим теплом. И были они умны и веселы, так что обрадовались боги. И расселились первые люди ворона на земле и стали земледельцами, люди бобра расселились в лесу и стали охотниками, а люди коровы расселились вдоль рек и морей и стали рыбаками.

Августа покачала головой:

– Можно предположить, что эту сказку тебе рассказывали рыбаки. Будь это охотники или земледельцы, то в сказке это они были бы умными и весёлыми, а рыбаки – молчаливыми, как рыбы, и глупыми, как камни. Сколько людей, столько и мнений.

– А мне ты, бабуля, говорила, что детей находят в капусте, – заметил Мартин.

– Наверное, тебя нашли в говорящей капусте, не умолкаешь ни на минуту! – смутилась Августа.

– Так, почти готово, – спас положение Эрни, продемонстрировал плод своих трудов. Это была самая маленькая дудочка, которую видел Мартин. Размером она была с ладошку, и такая тоненькая, не толще карандаша, словно игрушка. Эрни придирчиво осмотрел её со всех сторон, потом сыграл на ней несколько трелей.

– Вроде ничего получилось. Звучит, – он сыграл на ней какую-то старую и отдалённо знакомую мелодию. – Так, Мартин, попробуй.

Он передал Мартину дудочку. Мартин извлёк из неё несколько звуков.

– Просто так не получится, нужно много учиться, больше практиковаться. Чем больше будешь играть, тем лучше будет получаться.

– Спасибо, дедушка Эрни, – поблагодарил он.

– Да, спасибо тебе, Эрни, – поблагодарила Августа, положив руку на плечо Мартина. – Засиделись мы что-то, пора бы и откланяться.

– А разве вы не останетесь на чай? – удивился смотритель.

– Если ненадолго, – она вопросительно посмотрела на Мартина, тот кивнул головой. – Давай? А то завтра рано вставать.

Эрни засуетился, поставил чайник на плиту, залез по плечи в буфет и долго гремел там невидимыми предметами. Когда он вынырнул, то в руках у него была банка с мёдом и кулёк шоколадных конфет. Мартин любил конфеты, особенно шоколадные, так что с удовольствием присел поближе к вазочке, куда Эрни высыпал сладости. Из прихожей раздался какой-то шорох. Мартин только сейчас вспомнил про Карака в рукаве куртки. Он вскочил и бросился

в прихожую. Ворон уже сидел на вешалке и нетерпеливо пританцовывал, смешно разводя крыльями, пытаясь заглянуть на кухню.

– Ты чего? Забыл, что должен сидеть тихо и не высовываться? – зашептал Мартин.

– Не забыл, – так же в полголоса ответил ворон. – Я тоже хочу шоколадных конфет.

– Я тебе принесу, только сиди тихо, – пообещал Мартин.

– Хорошо, хорошо, только не забудь, – чуть не умоляя, произнёс Карак.

Мартин вернулся в комнату и незаметно опустил пару конфет в карман. Эрни как раз разливал чай по кружкам.

– Как работа на маяке? – поинтересовалась Августа.

– Как обычно, – пожал плечами смотритель, – без изменений.

– Яркость маяка случайно не вернулась?

– Опять ты за своё? Не вернулась. Я заказал новые лампы, через неделю должны доставить. Тогда и проблема решится сама собой. Все равно пока море беспокойно, рыбаки сидят по домам.

Мартин не стал особо вникать в разговор, и, пока его никто не заметил, выскользнул в прихожую, где ворон изнывал от нетерпения. Мартин развернул конфеты и положил их на пол. Карак слетел и принялся клювом постукивать по сладостям, скалывая с них шоколад. Мартин наблюдал за вороном и в пол-уха слушал разговор.

– А то, что в этом году шторма дольше обычного, ты не замечаешь? – спросила Августа. – Вчера слышала, что море сковали льды на острове в трёх милях севернее. И по льдам к ним идут белые медведи. Люди спешно вооружаются, запираются в домах.

– Твоя правда. Но каждый год сам на себя не похож. То лето жаркое, то весна долгая. Видимо, пришёл черед и зимы, – покачал головой Эрни.

– Если зима задержится в наших краях ещё немного, то льды скуют наш залив, ледяные великаны придут с севера и отделят нас от остального мира. А по этим переправам придут в наши земли дети снегов в поисках пропитания. Тогда мы уже не будем в безопасности.

– Вечно ты видишь все в чёрном свете.

– Ничего подобного, просто я чувствую, что плетётся волшебная паутина, чья-то злая воля толкает сюда льды и насылает шторма, крадёт наши традиции, стирает память веков, выжимает суть вещей. Сегодня маяк, а завтра что? Мы на краю земли. Дальше только вековые льды. Мы первыми узнаём, когда зло с севера ворочается в своей норе. Нарушено равновесие. Вначале придёт холодное равнодушие, а потом нас накроет мгла.

– Чувства – это тонкая материя, и доверяться им не стоит. Есть и другие маяки. А наш, мы починим.

– Другие не в счёт, наш был первым. И если он не будет светить, то и от остальных толку не будет. Маяк это только начало. Сколько кораблей не вернулось за последнее время? А людей пропало? Вот и от моих долго нет вестей. Возможно, мне все это чудится, или просто устала.

– Давай-ка хлопнем с тобой для согреву и для поднятия настроения, – подмигнул Августе Эрни и заговорщически улыбнулся, вытаскивая из-за спины бутылку темно-зелёного стекла.

– Ну, раз ты так любезен, то почему бы и нет.

В прихожей ворон отколол весь шоколад от начинки и проглотил его в один миг.

– А начинку? – спросил Мартин.

– Ты разве не слышал о раздельном питании? Так вкуснее и полезнее, когда вначале ешь одно, а потом другое. Съев вначале шоколад, как наиболее вкусную и полезную часть, я оставляю начинку на потом. А так как я уже сыт, то начинку съем после или отдам тому, кто ещё не ел сладкого, таким образом, одной конфетой порадуюсь дважды. А если я начинку отдам кому-нибудь другому, то доставлю радость ещё одному существу. Так что, куда ни глянь, сплошная выгода.

Ворон замолк и быстро шмыгнул в капюшон куртки. Августа и Эрни вышли из кухни.

– Вот ты где? – хмыкнула бабуля. – А мы-то думаем, куда это Мартин запропастился. Что чай не пьёшь?

– Не хочется. И вы там со своими заумностями к чаепитию не располагали, после ваших разговоров будут сниться одни кошмары, – немного обиженно сказал Мартин.

– Ладно, коль не хочешь посидеть, чайку попить, одевайся, пойдём, а то поздно уже. Ещё раз спасибо, Эрни, за гостеприимство и помощь.

– Да. Спасибо, бабушка Эрни, вы нам очень помогли, – одеваясь, сказал Мартин. Он постарался как можно аккуратнее застегнуть куртку, чтоб не выдать ворона, схоронившегося в капюшоне.

Бабуля зажгла фонарь, и они вышли на продуваемую всеми ветрами тропинку.

– Холодно, – поёжилась старушка. – Как будто тепла никогда больше не будет.

– Да что ты говоришь? – успокоил её Мартин. – Куда оно денется? Быть такого не может.

– Хорошо бы, – вздохнула она.

Как только маяк скрылся за поворотом, Карак выпрыгнул из капюшона и перебрался на плечо Мартину:

– Получилось?

– Не знаю, – ответил мальчик и посмотрел на бабулю.

– Доставай, проверим. Если это действительно чудо-дудочка, то прикоснувшись к дыханию ветра, она зазвучит сама по себе.

Мартин бережно вытащил дудочку. Как только дудочка оказалась на ветру, тут же произошло настоящее чудо. Она начала светиться изнутри, зазвучала прекрасная небесная мелодия, от которой хотелось, и плакать, и смеяться одновременно. Музыка разрывала сердце и побуждала его ещё сильнее биться. А потом дудочка взлетела и под провожающие, её изумлённые взгляды сделала круг над их головами, опустилась в руки Мартина. Он с великой осторожностью убрал её во внутренний карман куртки, и песня прекратилась.

– Теперь у нас есть чудо-дудочка, – нарушил повисшую тишину Карак.

Глава 6

Бабушка была права. Солнце не появилось. Они летели на восток, по уверениям ворона, именно там, на краю земли находится кузница Инмара, место, где Отец Солнце выходит с темной стороны земли и начинает путь по небосводу. Карак привычно сидел за пазухой у Мартина, а неумолимый Отец Альбатрос мчался навстречу приключению.

– Карак, а далеко ли до края земли? – через некоторое время спросил Мартин.

Ворон за пазухой начал вертеться, и через миг его голова показалась из ворота куртки.

– Я там никогда не бывал. Давным-давно я захотел узнать, где заканчивается море. Летел я от берега семь дней, совсем выбился из сил и увидел посреди моря дерево, присел отдохнуть. Немного отдышавшись, я продолжил свой путь. Ещё семь дней я летел, но так и не достиг края моря, и когда, обессилев, я мог погибнуть, упасть в воду, то снова увидел дерево. Обрадовался, и присел на него, и только начал приходить в себя, как голос из глубины крикнул:

– Что за невоспитанность! Все усы мне оттоптал и даже не извинился.

– Простите, – проговорил я, – но больше мне негде было отдохнуть. Кто вы и что делаете в открытом море?

– Я Отец Омар, лежу себе на дне океана, и всегда лежал. А ты кто таков, с виду не морской, и что тебе понадобилось так далеко от берега?

– Я Карак, правнук Отца Ворона. Я хочу узнать, где у моря край, вот и лечу на его поиски.

– Какая глупая молодёжь, нет края у моря, ты разве не знаешь, что все моря впадают в безбрежный океан? Ты столько летел, а всего лишь пролетел между моими усами. Когда-то я был моложе и тоже хотел найти край моря. Долго я плыл, семь дней и ночей. И когда я был готов сдаться, заметил пещеру, способную меня вместить. Я забрался вглубь неё, отдохнул и снова поплыл дальше. Ещё семь дней и ночей я провёл в поисках края моря, и опять, устав, заметил другую пещеру. Едва я устроился и не успел перевести дух, как раздался голос:

– Эй, малявка, выплывай из моих век, а то моргну и раздавлю ненароком.

Я поспешил выплыть и спросил:

– Кто вы?

– Я, Мать Камбала, лежу на дне испокон веков, а тебя, малыш, что побудило плыть в такую даль?

– Я, Отец Омар, ищу место, где заканчивается море.

– Глупый малыш. У моря нет края, ты столько времени плыл, а всего лишь проплыл между моими глазами. В былые времена, когда я была моложе, я сама искала край моря, семь дней плыла, но, как и ты, не нашла ничего и оставила эти попытки. И ты, малыш, оставь эти поиски и не трать своё время.

Вот что поведал мне Отец Омар. Так что края у моря я не видел. Возможно, это и к лучшему, так как по преданиям на краю моря живёт великий змей, он опоясывает собой всю землю. От его дыхания вздымаются волны. Когда он шевелится, налетают шторма и цунами. А когда он голоден, то открывает пасть и проглатывает все, что ему попадается. Потому море никогда не переполняется, хотя все реки и текут в моря.

– А как же мы тогда достигнем края земли? – удивился Мартин.

– Ты веришь, что мы его достигнем?

– Да.

– Тогда достигнем. Не переживай. Ты же с нами.

– А при чем тут я? – удивился Мартин.

– Ты потомственный Хранитель. Вы с начала времён помните, собираете, живете сказками, латаете души мира. Вам подвластно многое незримое, в твоих силах призвать первород-

ные силы, восстановить справедливость, открыть новые страницы, призвать древних героев, – напустил туману Карак

– Я ничего не понял из того, что ты сказал! – продолжал Мартин.

– Я говорю о том, что если ты веришь, что мы достигнем края земли, то это случится.

Помнишь, что я говорил тебе о душе и сказке.

– Да, о том, что сказка и есть душа. Братство душ и все такое.

– Совершенно верно.

– Ты хочешь сказать, если я расскажу сказку о «крае земли», то мы его достигнем?

– И да, и нет, – схитрил ворон.

– Что это значит?

– Неужели для тебя полёты на альбатросе к краю земли, навстречу солнцу, стали настолько обычными, что это уже не сказка? – Карак откровенно забавлялся.

– Конечно, это чудо, – согласился Мартин.

– Малыш, мы уже в сказке! – крикнул ворон, а Отец Альбатрос в это время заложил крутой вираж, ловя потоки ветра.

Под звёздным небом они достигли высоченной горы, неожиданно выросшей над хмурым морем. На самой вершине маяком горел священный Негасимый Огонь, были слышны удары молота по наковальне. Они пронзали собой всю землю, казалось, сам воздух вибрирует и сжимается. Альбатрос сделал круг и облетел вершину несколько раз, выбирая место для посадки. Наконец, он заметил среди нагромождений камней ровную поверхность и, сложив крылья, рухнул вниз. У Мартина ёкнуло сердце, и заложило уши, но альбатрос, в который раз продемонстрировав свою невозмутимость, в последний момент распахнул крылья на манер парусов, гася скорость.

Мартин спрыгнул и поприседал, разминая затёкшие ноги. Карак, насидевшись под курткой, вызвался облететь местность и посмотреть что к чему. Вернувшись буквально через минуту, он чёрной молнией упал на плечо Мартину и затараторил:

– Кар-крак, кар-карак – какракар...

– Да ты по-человечьи говори, что ты как сорока балаболишь, – проворчал альбатрос.

– Инмар за скалой. Там пещера и кузница. И, кажется, он меня заметил.

Только в этот момент путники поняли, что звуков молота больше не слышно. Зато слышалось шумное дыхание кого-то большого и рассерженного прямо у них за спиной. Мартин запоздало оглянулся, и, подняв голову вверх, увидел Инмара во всей его красе. Он был огромен. Мартин доставал ему в лучшем случае до колена. Он нависал над ними рассерженным утёсом, переводя взгляд черных глаз с одного на другого, а молот, который он подбрасывал и ловил одной рукой, внушал мысль о скорейшем и постыдном бегстве в любом направлении.

– Так-так-так? – пророкотал Инмар, не спуская с путников грозных очей.

– Приветствуем тебя, великий герой, – выступил вперёд альбатрос, – не гневайся на нас, что потревожили тебя и отрываем от дел. Я Отец Альбатрос, со мной Мартин – юный хранитель и Карак, правнук Отца Ворона...

– То-то я вижу знакомую вороватую физиономию, а это ворон. А знаешь, что я с вашим племенем делаю? Суп варю, а перья себе в подушку зашиваю! И ты посмел появиться здесь? Вот сейчас хлопну, дуну, и поминай как звали.

Карак взлетел, и приземлился на скальном выступе напротив лица великана, и дерзко заявил:

– Есть большая вероятность, что попасть будет непросто. Потому, чтоб не тратить время и нервы зря, лучше угости нас чаем, да послушай, что тебе путники порасскажут. Небось, тут без новостей из мира зачех совсем?

Мартин заметил, что ворон больше не раскатывает р-р-р, а говорит чётко и звонко.

– Не зачах. Мне новости Отец Ветер приносит и побратим мой Отец Гром, когда заглядывают. А с тобой я ещё не закончил. Вот повиыдергаю перья и дам пинка, да такого, что долейтишь до прародителя своего и передашь ему привет от меня. Пламенный. Зазря ты на предка моего пеняешь, – не унимался ворон.

– Зазря? А кто усыпил меня своими песнями? Кто выкрал Священный Огонь и отдал его людям? Подлый ворюга!

– Вот не разобравшись напраслину наводишь. Ты думаешь, что мой предок выкрал огонь и отдал его людям? Но дать огонь людям – это не его прихоть, а просьба Отца Солнца, и я думаю, что ты давно это знаешь. Потому как вы с Отцом Солнца братья. А то, что ты отказался выполнить просьбу старшего брата, то в этом нет вины моего предка. Затем в погоню за Отцом Вороном ты послал своего побратима, Отца Грома. А когда он нагнал моего предка, то стал бить мечом в железный щит, загремел гром, засверкали молнии, и Отец Ворон, испугавшись, выронил лучину с тлеющим угольком вечного Огня в море. И до людей его не донёс.

– А кто тогда донёс? – удивился великан, он даже выронил молот, который, упав, сильно стукнул его по пальцам правой ноги. Инмар вскрикнул и наклонился, потирая ушиб.

– Твой побратим, Отец Гром, – продолжал Карак, – в пылу погони так сильно метал молнии, что одна долетела до земли и угодила в дерево. Дерево вспыхнуло, словно спичка. На том дереве устроила себе гнездо кукушка, уже отложила и высиживала яйца. Кукушка взлетела, но не успела спасти гнездо, оно упало, яйца разбились и зажарились. А мимо проходил человек, он был голоден и съел поджаренные яйца из кукушкиного гнезда. И так ему понравился вкус горячей еды, что он, раздув уголёк, унёс его к себе в дом. С тех пор люди обладают огнём, который даровало им небо, а кукушка летает по миру и ищет своё гнездо, а пока не нашла, подкидывает своих птенцов в чужие гнезда. Так что зря ты во всем обвиняешь моего предка. Нет его вины в том, что ты наговорил.

– А я и не знал. Выходит, я на самом деле, все эти столетия винил Отца Ворона, – расстроился великан.

– Не забывай ещё о том, что он единственный, кто побывал на той стороне земли и выручил Отца Солнце, – вставил альбатрос.

Великан задумался и после минутного молчания произнёс:

– Я был несправедлив к Отцу Ворону. Извини меня, мудрая птица, и попроси своего предка простить меня за упрёки.

– А как быть с погубленными воронами и подушкой, набитой перьями? – хмуро спросил ворон.

– Да нет никакой подушки, – смутился великан. – Ни одного ворона с того времени я больше не видел. Никто из вашего племени не залетал в эти места. Ты первый, кто осмелился показаться мне на глаза за многие столетия и, как видишь, не зря. Отныне все твои родичи могут рассчитывать на мою дружбу и мою помощь. Поверьте, мне очень стыдно. Да что мы тут на сквозняке стоим? Пожалуйте ко мне. Правда, у меня не прибрано, гостей-то я особо не ждал.

– Почтём за честь, великий мастер! – ответили ему путники.

Они сидели в пещере великана перед горящим в горне огнём. Для удобства камни в пещере были застланы шкурами. По стенам висели орудия кузнечного ремесла, на наковальне лежал огромный серебряный гвоздь, видимо, великан как раз закончил над ним работу, но не успел убрать. Гости пили горячий чай и угощались брусничным вареньем, которое бабушка Мартина положила ему с собой.

– Что трое путников делают в такой глуши? – спросил Инмар.

– Мы летим навстречу Отцу Солнце, хотим спросить, почему он больше не освещает наши берега?

Кузнец расстроился.

– Он светит, видно, свет его не доходит. Значит, морок незримый ползёт с севера. А что с ним сделать? Самим нам не справиться, сил не хватит. Мы можем только сдерживать тьму, но не сможем её победить. Тут нужен герой, и видно, судьба послала вас нам на помощь.

– Какие мы герои? Мы просто ищем потерянную сказку. Идём к её истокам.

– Если так, то времени у нас много, Брат-Солнце будет только утром, и я с удовольствием послушаю сказку, которую вы создаёте.

Тогда Мартин поведал ему о бабушке и маяке на его родном побережье, и о старом Эрни. О знакомстве с альбатросом и начале путешествия, о старом вороне и его правнучке и об их совместном приключении в далёких краях. Не забыл упомянуть о подарке для кузнеца.

– И вы специально для меня сделали дудочку? – умилился великан.

– Да, конечно, вот полюбуйте, – Мартин достал дудочку, и положил её Инмару на ладонь. Она была такая маленькая, что даже в руках Мартина казалась игрушкой, а на длани кузнеца смотрелась соринкой. Инмар приблизил ладонь к лицу и внимательно посмотрел на дудочку.

– Какая тонкая работа. Пожалуй, сделаю для неё ларец, а то ненароком потеряется.

– Эта дудочка не простая. В ней сокрыта песня Отца Ветра. Ты подставь её ветру или прикоснись к земле, и она зазвучит. Песня её будет отдаваться в твоём сердце, – пояснил ворон.

– Вот это чудо, так чудо. Сейчас и работать веселее будет. Чем я могу вас отдарить, гости дорогие?

– Великий мастер, для себя нам ничего нам не нужно, но мы надеемся, что ты позволишь нам зажечь ветку от Священного Огня, который ты хранишь. Эту ветку мы хотим отдать Отцу Солнцу взамен волоса с его головы. Негасимый огонь должен помочь ему в битве на той стороне земли.

– Конечно, я с радостью помогу вам и своему брату. Дождёмся утра, он пройдёт через мою кузницу для починки оружия и доспехов, и я приглашаю вас всех погостить у меня до его прихода. А пока мы ждём Отца Солнце, то не подсобите мне в одном деле? – попросил Инмар. – Нужно поставить новую Полярную звезду на место прежней, а то старая уже поизносилась.

Он мотнул головой в сторону наковальни, где лежал огромный серебряный гвоздь. Мартин только сейчас сообразил, что Инмар этот гвоздь и называл Полярной звездой:

– Простите, а как поставить Полярную звезду?

– Ты разве не знаешь эту историю? – удивился великан. – Тогда мой черед рассказывать. Слушай:

«Побывал однажды Отец Леса на пиру у Морского Владыки, насмотрелся на чудеса заморские, и стало ему обидно, что нет у него никакого чуда, которым он мог бы хвастаться перед другими. И поручил он своему младшему сыну, великому охотнику, добыть чудесного оленя с золотыми рогами и осемью ногами в северных землях. Не посмел младший сын ослушаться. Взял лук тугой, колчан со стрелами, сплёл из паутины серебристый прочный аркан, надел лыжи и отправился в путь. Долго бродил охотник по земле, и вот, наконец, он повстречал оленя с золотыми рогами и бросился за ним в погоню. Но олень сорвался быстрее ветра, не успел охотник и глазом моргнуть, как олень запрыгнул на небесный купол и умчался ввысь. Охотник, недолго думая, ухватился за край неба и вскочил следом. И помчались они по небосводу. Чудесный олень бежал, выбивая из купола искры, его копыта оставляли в небосводе глубокие следы. Охотник скользил за ним на лыжах. Он забросил верёвочную петлю на рога оленя, но тот тряхнул головой, петля слетела и так осталась лежать на небе. От такой гонки небо зашаталось и заходило ходуном, храбрый охотник не удержался и упал, но его подхватила луна, на ней и поныне видны следы того падения. Искры копыт сейчас называют падающими звёздами или метеорами, а следы оленя – звёздами. Путь охотника по небу мы сейчас называем – «Млечный путь».

Эта охота так расшатала небо, что боги попросили меня изготовить из серебра гвоздь и вбить его в купол, дабы он не упал на землю. Ведь раньше небо держали на плечах четыре великана, стоявшие по краям земли, а сейчас они могут передохнуть, небо держится на одном гвозде, который люди! А что случилось с оленем и охотником? – спросил Мартин.

– О них не беспокойся. Они до сих пор каждую ночь мчатся по небосводу, потому и надо раз в год менять Полярную звезду, – махнул рукой Инмар.

– А нам что нужно делать? – решил уточнить Мартин.

– Ты сможешь вбить гвоздь в небесную твердь? – прямо спросил его великан.

– Я бабушке помогал по хозяйству и забивал гвозди, но такого большого никогда не видел, но я постараюсь, – неуверенно пролепетал мальчик.

– «Постараюсь» – мало, – покачал головой великан. – Когда мы выдернем старый гвоздь, небо начнёт падать на землю. Я подставлю плечо и подержу его, пока ты не вколотишь новый. Если у тебя не получится, то, когда я устану держать небо, оно упадёт на землю и всех раздавит.

Мартин пробрала дрожь от такой перспективы. Карак перелетел с камня на плечо мальчика и сказал ему шёпотом:

– В этом деле мы тебе не помощники.

– У меня получится, – уверенно сказал Мартин, посмотрев великану прямо в глаза.

– Вот и хорошо, пойдём, поднимемся и начнём починку.

Инмар свернул несколько огромных шкур, взвалил их себе на плечи, взял серебряный гвоздь, длинную лестницу, большой молоток, гвоздодёр и вышел из пещеры. Мартин бегом едва поспевал за размашистым шагом великана, и когда они достигли вершины, он, обливаясь потом и едва мог дышать.

Ворон и альбатрос, прилетели раньше и уже сидели на утёсе. Отдышавшись, Мартин огляделся по сторонам. Вершина, на которой они оказались, была плоской, как будто срезанной, внизу не было видно ни зги из-за клубившихся облаков. А небо было совсем близко, казалось, что можно коснуться его рукой. И не было никакого ветра, Мартин даже удивился, он думал, что тут будет ураган, сбивающий с ног, сильнее, чем у них на маяке, но его ожидания не оправдались. Инмар сбросил ношу, поднял и разложил лестницу, упёр её одним концом в небо, другим в землю. Мартин все ещё не верил в то, что сможет забраться по лестнице на небо. Закончив с приготовлениями, Инмар подозвал его:

– Поднимешься на самый верх, Отец Альбатрос принесёт тебе гвоздодёр. Выдернешь гвоздь, бросай смело на землю, потом подберём, а альбатрос подаст тебе новый гвоздь и молоток. Как только ты выдернешь старый гвоздь, небо тут же закачается. Я его подержу, но времени у тебя немного, не трать его понапрасну.

Мартин полез по лестнице, ему было очень страшно. Хорошо, что землю из-за облаков не видно, а то голова могла закружиться. Он добрался до самого верха и дотронулся до небесного купола. Купол показался ему тёплым и живым. Словно гладишь кошку, только небо не мурлыкало от прикосновения. Полярная звезда торчала прямо у него над головой. Он крикнул ожидающим его внизу друзьям:

– Я готов! Можно начинать!

Инмар свернул принесённые с собой шкуры в валик, положил на правое плечо и, широко расставив ноги, оперся в небесный свод. Альбатрос подлетел к Мартину, держа в клюве гвоздодёр. Схватив тяжёлый инструмент, Мартин приноровился и поддел звезду, но никак не мог её вытащить, настолько крепко она там сидела. Он с силой упирался ногами в лестницу, но звезда не поддавалась. Подлетел Карак и пощекотал ему нос своим пером, Мартин не выдержал и та-ак чихнул, что звезда выпала из небесного купола и только глухой далёкий звон известил их, что она достигла земли. Небо тут же закачалось. Мартин обернулся и увидел покрасневшее от натуги лицо Инмара:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.